

Ассоциация
Российских
Банков

НИИ ДОИП РАН

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

О РАЗВИТИИ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ НАУКИ

МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ 30 ОКТЯБРЯ 2021 ГОДА

ДОКЛАДЧИКИ:

Максимов Сергей Васильевич

доктор юридических наук, главный научный сотрудник
Института проблем развития науки РАН
и Института экономики РАН, советник руководителя
Федеральной антимонопольной службы России

Угрюмов Михаил Вениаминович

академик РАН, доктор биологических наук,
заведующий лабораторией нервных
и нейроэндокринных регуляций
Института биологического развития им. Н.К.Кольцова РАН

Нигматулин Роберт Искандрович

академик РАН, доктор физико-математических наук,
научный руководитель Института океанологии
им. П.П.Ширшова РАН

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим и социально-экономическим
проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

О РАЗВИТИИ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ НАУКИ

Материалы заседания 30 октября 2021 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2022

УДК [005.332.4:001](470+571)(066)

ББК 72.4(2Рос)я431

К11

О развитии конкуренции в сфере науки. Материалы совместного заседания НКС ООН РАН и НИИ ДДиП 30 октября 2021 года/ Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук, Ассоциация российских банков, Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. — 130 с.

ISBN 978-5-6046631-6-5

В брошюре публикуются материалы совместного заседания Научного консультативного совета Отделения общественных наук РАН и Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права, состоявшегося 30 октября 2021 года в формате «Рабочего завтрака у Тосуняна».

Известные ученые и независимые эксперты обсуждают проблемы развития конкуренции в сфере науки, анализируют проблемы отечественной науки.

В докладах представлены разные точки зрения участников заседания, в некоторых случаях даже, можно сказать, поллярные. Тем и интересен сборник для всех, кто имеет отношение к науке.

УДК [005.332.4:001](470+571)(066)

ББК 72.4(2Рос)я431

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения авторов.

ISBN 978-5-6046631-6-5

© Тосунян Г.А., составление, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Справка	5
Предисловие	10
Раздел I. Доклады	
С.В. МАКСИМОВ	15
М.В. УГРЮМОВ	27
Р.И. НИГМАТУЛИН	39
Раздел II. Дискуссия: реплики, вопросы, комментарии	
Я.М. МИРКИН	50
П.А. МЕДВЕДЕВ	52
А.Р. ОГАНОВ	55
В.Н. ЛОПАТИН	60
В.А. ЛЕКТОРСКИЙ	65
М.В. УГРЮМОВ	69
Р.С. ГРИНБЕРГ	74
В.П. ЗАВАРУХИН	76
Г.А. ТОСУНЯН	80
А.И. АВETИСЯН	81
В.В. ЛАЗАРЕВ	86

С.В. МАКСИМОВ	89
Ж.Т. ТОЩЕНКО	92
П.А. МЕДВЕДЕВ	95
Н.Н. ЦЫКОРИН	96
Д.В. УШАКОВ	101
С.В. МАКСИМОВ	104
Р.И. НИГМАТУЛИН	106
П.А. МЕДВЕДЕВ, Р.И. НИГМАТУЛИН, А.Р. ОГАНОВ – ПОЛЕМИКА	112
М.В. УГРЮМОВ	114
С.В. МАКСИМОВ	115
А.А. ГУСЕЙНОВ	116
Р.И. НИГМАТУЛИН	124
Заключительное слово	125

Справка

О НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете
по правовым, психологическим и социально-экономическим
проблемам общества Отделения общественных
наук Российской академии наук),
О НИИ ДДиП (Национальном исследовательском
институте Доверия, Достоинства и Права),
О «Рабочем завтраке у Тосуняна»
и об этом издании

Когда в конце марта 2020 года началась пандемия, все оказались шокированы новыми условиями жизни и необходимостью адаптироваться к многочисленным ограничениям, которые власти вынужденно ввели.

Для банков и ряда других бизнесов эти шоки были особо остро ощутимы.

Может показаться, что шок для академической науки был менее болезненным, поскольку считается, что ученым проще работать в тиши своих кабинетов или квартир.

Возможно, для представителей гуманитарных наук и теоретиков в каком-то смысле это и так. Но ни наука, ни бизнес, ни общество не могут существовать и развиваться без коммуникаций, без повседневного общения.

Будучи представителем и банковской системы, и академической науки, хотел бы поделиться своими соображениями и своим опытом работы в условиях пандемии.

Тем более, что эта брошюра своим выходом в свет обязана в значительной степени именно тем неординарным условиям, в которых оказалась и банковская система, и наука.

1. НКС ООН РАН был создан примерно 9 лет назад как совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания совета проводились по средам в Отделении общественных наук РАН один или два раза в год.

Решение о проведении очередного заседания происходило при готовности ведущих ученых и экспертов предоставить свои новейшие разработки по актуальным темам.

В феврале 2020 года члены НКС на своем очередном заседании приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?».

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован из Научно-консультативного совета по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. Параллельно, на протяжении более чем 25 лет по субботам раз в две-три недели проходили рабочие завтраки представителей Ассоциации российских банков (АРБ), в которых кроме банкиров принимали участие и эксперты по финансово-банковскому рынку из вузов, Госдумы, ЦБ, Совета Федерации, различных ведомств и, конечно, академической науки.

Каждый рабочий завтрак проходил по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них обсуждались проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу, и многие другие вопросы развития общества.

В общем, все проходило по сценарию, характерному для круглых столов, на которых идут интеллектуальные споры и дискуссии по поставленным проблемам.

С годами круг экспертов расширялся.

Кроме банкиров в завтраках стали принимать участие и представители регулятора, и чиновники высшего уровня, и депутаты, и аналитики.

Независимо от ранга и неизбежных различий во взглядах и суждениях, всех их объединяет равнодушное отношение к тому, что происходит в стране и желание изменить и сделать хоть немного лучше мир, в котором мы живем.

Главными критериями для приглашения в качестве докладчика было и остается – глубокое знание вопроса, который выносится на обсуждение, умение четко и аргументированно высказывать, и отстаивать свою позицию.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на рабочих завтраках, заметно расширился. Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью этих рабочих завтраков было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3-4 часа.

Короткий перерыв был лишь в 1998-99 годах после дефолта.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства и их правового обеспечения, и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону «общества доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос, заморозить работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и рабочие завтраки?

Или искать какое-то другое решение?

Поскольку банки не могли позволить себе полностью остановить свою деятельность, то и АРБ сочла невозможным для себя уходить на «режим вынужденного отдыха», хотя соблазн в состоянии шока и страха перед болезнью запереться дома и ни о чем не думать, был у многих!

Но, все же преваляло понимание, что нельзя поддаваться слабости и инерции.

АРБ с первого дня локдауна приняла решение не останавливать свою работу ни на один день, а перейти для большинства в режим Зума.

Руководство Ассоциации установило дежурства, по-очередно выходя на работу.

Но тогда же стало понятно, что заседания и НКС ООН, и НИИ ДДиП, и рабочих завтраков можно объединить, используя онлайн-формат, тем более, что исходя из практики последних лет было очевидно, что мы поднимаем одни и те же вопросы, приглашаем нередко одних и тех же экспертов и на заседания НКС, и на рабочие завтраки, а потом и на заседания Института.

Было принято решение проводить совместные заседания.

За прошедшие почти два года было проведено более 50 «Рабочих завтраков у Тосуняна», из которых около 8 прошли в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 участников, принимали участие в режиме Зума, видя и слыша «живых» участников и докладчиков, и сами, участвуя в дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материала для публикации.

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН
Президент Ассоциации российских банков

Предисловие

30 октября 2021 года состоялось очередное заседание НКС ООН РАН (далее – НКС).

На обсуждение были вынесены проблемы конкуренции и развития российской науки.

Тема эта стала предметом обсуждения на «рабочем завтраке» уже не в первый раз.

Предыстория вопроса такова.

3 апреля 2021 года на очередном заседании НКС с докладом «Конкурентоспособность российской науки – проблемы и решения» выступил академик РАН Угрюмов М.В.

Поскольку тема вызвала бурную дискуссию, было решено продолжить ее обсуждение на следующем «рабочем завтраке» 17 апреля 2021 г.

Содокладчиками по такому животрепещущему вопросу вместе с Михаилом Вениаминовичем Угрюмовым стали: академик РАН Нигматулин Р.И., академик РАН Бузник В.М. и член-корр. РАН Логунов Д.Ю.

Обсуждение также проходило очень бурно и было решено продолжить дискуссию на следующем «рабочем завтраке».

На заседании НКС 15 мая 2021 года академик РАН Черешнев В.А. выступил с докладом «Проблемы развития науки в регионах России», а профессор РАН Оганов А.Р. – с докладом «Состояние России и ее науки: личный взгляд и факты».

На всех трех заседаниях кроме докладчиков активное участие принимали также академики и члены-корр. РАН: экономисты – Аганбегян А.Г., Гринберг Р.С., философы – Гусейнов А.А., Касавин И.Т., юрист Хабриева Т.Я., социологи – Черныш М.Ф., Тощенко Ж.Т., математик Аветисян

А.И., психолог Петренко В.Ф. и многие другие уважаемые эксперты.

В сентябре 2021 года было принято Распоряжение Правительства РФ¹, в котором было дано поручение подготовить согласованный с РАН план мероприятий («дорожную карту») развития конкуренции в сфере науки.

В конце 2021 г. возобновил работу Научный Совет РАН по проблемам защиты и развития конкуренции.

В связи с этим и в связи с подготовкой соответствующей «дорожной карты», которая должна быть представлена Правительству РФ к марту 2022 года, 30 октября на заседание НКС в повестку дня был включен доклад проф. Максимова С.В. «О развитии конкуренции в сфере науки».

В докладе вкратце были изложены основные положения проекта «дорожной карты», опубликованные ранее Максимовым С.В. в журнале.²

Содокладчиками согласились выступить академик РАН Угрюмов М.В. и академик РАН Нигматулин Р.И.

Сегодня вашему вниманию представлены материалы этой октябрьской дискуссии.

Но мы планируем чуть позже издать также материалы перечисленных выше 3-х заседаний, прошедших в апреле-мае 2021 года.

Так уж складываются обстоятельства, что мы пока не можем обеспечить в полной мере соответствие хронологии наших изданий хронологии проведенных заседаний.

Начав издавать материалы наших заседаний НКС, мы выбрали некоторые заседания «рабочего завтрака» как

¹ Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2021 г. N 2424-р

² Максимов С.В. «Дорожная карта» развития конкуренции в сфере науки (теоретическая модель) // Российское конкурентное право и экономика. 2021. №3. С. 8-22 (DOI: 10.47361/2542-0259-2021-3-27-8-21).

приоритетные и планируем их выпуск в первоочередном порядке.

В последующем мы надеемся наладить работу таким образом, чтобы по прошествии каждого заседания была оперативно проведена подготовка материалов и их публикация.

Будем надеяться, что нам удастся в будущем реализовать такой порядок.

Теперь несколько слов об обсуждаемой 30 октября теме.

В сентябре 2021 года, как уже было сказано выше, проф. Максимов С.В. опубликовал статью: «Дорожная карта развития конкуренции в сфере науки (теоретическая модель)» в журнале «Российское конкурентное право и экономика».

В статье дана предыстория идеи «дорожной карты» развития конкуренции в сфере науки и реакция на нее некоторых властных структур.

В статье были сформулированы ряд проблем и тезисов, заслуживающих серьезного обсуждения, что и было вынесено на заседание НКС.

В частности, проф. Максимов С.В. обозначил проблемой №1 – «...монополизацию глобальных рынков интеллектуальной собственности, включая результаты научной деятельности и доступ к ним, по сути дела, антироссийским санкционным клубом, прежде всего США...».

Причем автор считает, что наше государство делает все для усиления этой монополизации.

Автор статьи и главный докладчик нашего заседания с удивлением и беспокойством задается вопросом – почему ключевым показателем для характеристики успехов российской науки является количество научных статей, публикуемых в журналах, индексируемых Web of Science и Scopus.

Безусловно – это очень важный показатель, но должен ли он быть определяющим и ключевым?

Тем более у Максимова С.В. вызывает недоумение почему: «... если вы публикуете статью в ВАК-овском журнале, вы получаете 0,12 балла.

А если вы опубликуете то же самое в журнале Web of Science вы получите сразу 20 баллов, что с экономической точки зрения ценится выше в 166 раз...».

Конечно, этими проблемами не исчерпывается тема конкурентоспособности российской науки.

Эта тема должна рассматриваться не только в контексте конкуренции на международном уровне.

Не менее важна конкуренция научных организаций и коллективов внутри страны.

Более того, многими участниками заседания ставился вопрос: а конкуренция в науке, это конкуренция идей, или конкуренция за наилучшие библиометрические, за экономические показатели, или за коммерческие показатели?

И можно ли исключительно «рыночные» критерии эффективности применять к науке?

Откровенно говоря, вопросов больше, чем ответов!

Но кто, если не мы, представители Российской академии наук и экспертного сообщества, будем открыто ставить эти вопросы и стараться давать на них честные и понятные не только научному сообществу, но и властным структурам, и всему обществу ответы!

Г.А.ТОСУНЯН

Раздел I. Доклады

С.В. МАКСИМОВ

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки РАН и Института экономики РАН, советник руководителя Федеральной антимонопольной службы

О РАЗВИТИИ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ НАУКИ

Дорогие коллеги!

Тема, ради которой мы собрались, на мой взгляд, понятна каждому участнику. Я вижу здесь в основном своих коллег и тех, кто работает в органах государственной власти и тоже имеет прямое отношение к науке.

Несколько слов я хотел сказать о предыстории «дорожной карты» развития конкуренции в науке и образовании.

Эта идея возникла давно, в разговоре с ныне уже оставившем нас Миндели Леваном Элизбаровичем, когда обсуждался вопрос о создании в Институте проблем развития науки специального сектора проблем развития конкуренции в науке.

В 2019 году Научный совет РАН, сопредседателем которого является Гарегин Ашотович Тосунян, принял решение о необходимости разработки такой «дорожной карты».

Параллельно работа над концепцией этой дорожной карты осуществлялась временным научным коллективом, который возглавлял Леван Элизбарович. И этот коллектив работает до сих пор под руководством Сергея Иннокентьевича Черныха.

Эта концепция продолжает разрабатываться, и в 2021 году основная работа над ней будет закончена.

Представленная вашему вниманию теоретическая модель «дорожной карты» является результатом работы очень большого числа людей.

Я постарался осмыслить проделанную за это время работу, и сформулировать её в качестве тезисов.

Хочу обратить внимание, что у этой теоретической модели уже есть конкретное прикладное выражение в виде проекта «дорожной карты» развития конкуренции в науке и образовании.

Федеральная антимонопольная служба попыталась соединить эти вопросы, понимая, что они органично связаны, и этот проект уже начал согласовываться с министерствами и ведомствами, заинтересованными в том, чтобы наука в нашей стране развивалась.

Речь идет, прежде всего, о Минфине России и Министерстве науки и высшего образования.

Начальный этап согласования перешел в острую фазу летом этого года.

Минфин России категорически возразил против любых поправок в закон о контрактной системе (так называемый, Федеральный закон (ФЗ) №44), и, собственно говоря, любых изменений, которые касаются закупочного законодательства, которое не ограничено ФЗ №44.

Министерство науки и высшего образования, к нашему удивлению, поддержало эти инициативы.

Я говорю «к нашему удивлению», потому что Федеральная антимонопольная служба неоднократно пыталась стимулировать интерес Министерства науки и высшего образования к этой теме.

И «дорожная карта» должна была быть разработана еще при принятии первого Национального плана развития конкуренции в стране в конце 2017 года.

В 2018 году у нас уже должны были быть правовые механизмы развития конкуренции в науке и образовании.

Образование в таком, я бы сказал, элементарном виде, оказалось в этом Национальном плане, но ни один ключевой вопрос, на мой взгляд, не затронули.

А наука, как говорится, «вылетела» вообще.

Думаю, благодаря усилиям, которые предпринимало научное сообщество при поддержке Федеральной антимонопольной службы, «дорожная карта» развития конкуренции в сфере науки «попала» в новый Национальный план развития конкуренции на 2021-2025 годы.

Это – обязательство Министерства науки и высшего образования, Федеральной антимонопольной службы, Министерства просвещения РФ по согласованию с Российской академией наук.

«Дорожную карту» развития конкуренции в сфере науки внесут в Правительство не позже, чем через четыре месяца (до 1 марта 2022 года).

Это означает, что разговор о нужности или ненужности такой «карты» уже закончился.

Буквально за неделю до принятия этого распоряжения Правительства РФ (оно было принято 2 сентября),

Министерство науки и высшего образования – насколько я понимаю по тем данным, которые у нас есть, – поменяло свою точку зрения на прямо противоположную.

Оно считает, что не нужно поддерживать инициативы, которые были сформулированы научным сообществом и ФАС в проекте соответствующей «дорожной карты».

Основные ее идеи отражены в теоретической модели, с которой, я надеюсь, у всех была возможность ознакомиться, поэтому не буду раскрывать весь спектр ключевых положений, а скажу лишь вот о чем.

Разумеется, развитие конкуренции в науке не является самоцелью, это инструмент.

Понятно, что этот инструмент служит, прежде всего, целям повышения конкурентоспособности российской науки.

Он должен служить целям создания надлежащих условий для развития науки.

Он должен служить благу науки, благу нашей страны.

Собственно говоря, это инструментарий, который должен, прежде всего, соответствовать национальным интересам России, укреплению нашего Отечества, его развитию и процветанию. Подчеркиваю, речь идет лишь об инструменте.

Для меня совершенно очевидно, что создание и реализация этого инструмента связаны с решением огромного комплекса проблем, которые свойственны сегодня и государственному управлению в сфере науки, и самой науке. И без решения этих проблем, по моему твердому убеждению, мы никуда не двинемся.

Из множества проблем, которые затронуты в «дорожной карте», я бы выделил только две, и сосредоточился на формулировании некоторых тезисов, касающихся путей решения этих проблем.

1. Первая – это проблема монополизации глобальных рынков интеллектуальной собственности, включая результаты научной деятельности и доступ к ним, по сути дела, антироссийским санкционным клубом, прежде всего США.

В разных документах этот клуб называется по-разному.

В ряде международных документов часто именуется коллективным, вернее, глобальным Севером.

Согласно планам ЮНЕСКО в сентябре этого года должны были быть приняты Рекомендации по Открытой науке, в которых используется понятие глобального Севера³.

Проект этих Рекомендаций ЮНЕСКО по Открытой науке, думаю, в начале года все имели возможность увидеть.

Мы с профессором Клеевой Л.П. попытались выразить свое мнение по поводу этих Рекомендаций⁴.

Там говорится о глобальном Севере, который сегодня управляет этим процессом и вполне способен присвоить или уже присвоил почти все созданные мировым сообществом результаты научной деятельности, представляющие хоть какую-то экономическую ценность.

Сказано об этом вскользь, как о потенциальной угрозе.

С моей точки зрения, она уже реализована.

³ Подробнее: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379949.locale=en>

⁴ Подробнее: <https://rkipie.elpub.ru/jour/article/view/202>

Монополизация внешних рынков научной деятельности и научных результатов уже произошла.

Одна из ключевых проблем в этой сфере заключается в том, что мы как государство, на мой взгляд, сегодня делаем и по-прежнему продолжаем делать все от нас зависящее для усиления этой монополизации.

Этому служит созданный государственный инструментарий.

Создан он, разумеется, не с дурными целями, не для подрыва конкурентоспособности нашей науки, не с целями нанести вред национальной безопасности России или вообще как-то ухудшить материальное положение российских ученых.

Наверное, это все-таки создавалось с благими целями, одна из которых – удобство контроля за состоянием научной деятельности в стране и удобство в учете результатов научной деятельности.

Эти удобства, которые нужны государству, понятны.

Хотя в данном случае они все-таки находятся в противоречии с основными целями развития науки и задачей обеспечения процветания нашей страны, которая является ключевой задачей понимания роли науки вообще в нашей жизни.

В последнем документе, который не так давно был разослан от имени Правительства РФ за подписью вице-премьера Чернышенко Д.Н. во все органы государственной власти, которые включены в государственную программу НТР, содержались оценки современного состояния науки и наших достижений.

В этом документе меня, в первую очередь, обеспокоил ключевой показатель, который использовался для характеристики успехов российской науки.

Этот ключевой показатель состоит в том, что с 2012 года мы увеличили количество научных статей, публикуемых в журналах, индексируемых Web of Science и Scopus, с 40 тысяч до 76 тысяч.

С точки зрения указанного официального документа – это и есть главное достижение российской науки.

Главный ученый секретарь президиума РАН Долгушкин Н.К.⁵ в своем интервью⁶ обнародовал данные об увеличении показателя уехавших из страны российских ученых за рубеж с 14 тысяч в 2012 году до 70 тысяч в 2020 году, достигнув тем самым 10% от общего количества выбывших ученых из сферы науки.

С 1990 года количество ученых в нашей стране сократилось с 992 тысяч до 348 тысяч, то есть на 65%.

Около 650 тысяч ученых выбыли из сферы науки и оказались никем не восполнены.

Может быть, у кого-то из теоретиков науки есть ясные представления о том, что это количество восполнено качеством и сейчас просто «более качественные» ученые?

Не так давно в одном из выступлений Министра науки и высшего образования я услышал, что нынешний кандидат наук может «заткнуть за пояс» и доктора, и академика, и кого хотите.

Может быть, это произошло?

⁵ Освобожден от этой должности 23 ноября 2021 г.

⁶ Ссылка на интервью: https://aif.ru/society/science/poraskinulis_mozgami_pochemu_rastet_chislo_uchenyh_uezzhayushchih_iz_rossii

На мой взгляд, нет, этого не произошло.

Мы просто потеряли огромное количество, огромный объем качественного научного потенциала, и его нельзя быстро восполнить.

Думаю, не нужно объяснять, что произошло с нашей аспирантурой, докторантурой, доцентурой в профильных вузах, например, правоохранительной системы, в военных вузах.

Это не требует, на мой взгляд, специальных рассуждений.

Монополизация внешних рынков научной деятельности и научных результатов произошла давно.

Тот инструмент стимулирования, который сегодня создан в нашей стране, как говорит Владимир Николаевич Лопатин, стимулирует «перекачку научного сырья» с нарастающим итогом.

При этом создана машина, когда мы за счет бюджета финансируем эту перекачку.

Мы не просто бесплатно ежегодно пересылаем практически по 80 тыс. статей (в том числе и впервые полученные научные результаты фундаментальных исследований)

Впервые полученные первоклассные научные результаты мы сегодня публикуем, главным образом, в западных журналах.

Экономическую ценность, целесообразность внедрения оценивают, прежде всего, западные эксперты.

По сути, сегодня в оценке результатов исследований российских ученых, которые еще и оплачиваются из

российского бюджета публикации, **«право первой ночи» принадлежит Западу.**

В своем докладе я привел данные о том, что лидер Web of Science журнал Nature с 1 января 2021 года продает режим «золотого» доступа стоимостью 9 500 евро.

Инструментарий оценки качества результатов российской науки, который на сегодня создан и применяется государством, включает следующее.

Если вы публикуете статью, например, в журнале «Российское конкурентное право и экономика» (ВАК-овский журнал), вы бы получили в прошлом году 0,12 балла.⁷

А если вы опубликуете то же самое в журнале Web of Science первого квартиля (по юриспруденции, таких журналов, насколько я знаю, не существует – максимум второй квартиль)⁸ вы получите сразу 20 баллов, что с экономической точки зрения ценится выше в 166 раз.

С учетом именно этой пропорции научно-исследовательским институтам естественно-научного профиля сегодня рассчитываются субсидии.

Если один институт опубликует одну статью в журнале первого квартиля WoS и получит за нее 20 баллов, то второй институт (не имеющий финансовых возможностей или не

⁷ С недавнего времени за публикации по общественным наукам в ВАКовских журналах дают 1 балл.

⁸ Среди российских журналов по естественным наукам журналов первого квартиля не так уж много. Более 97% приходится на зарубежные журналы.

стремящийся по тем или иным причинам делиться научными достижениями с зарубежными «партнерами»), чтобы догнать своего конкурента, должен будет опубликовать 166 статей (!) в российских журналах, индексируемых только ВАКом при Министерстве науки и высшего образования (то есть в ВАК – овских журналах).

При том среди этих статей может оказаться, по сути дела, та же самая, единственно ценная научная идея, которая является открытием мирового уровня.

До сих пор никто не смог мне объяснить, почему нужно одну и ту же статью, если она была опубликована в обычном ВАКовском журнале, а не журнале, индексируемом Web of Science, ценить в 166 раз меньше.

Чтобы изменить этот механизм, прежде всего, нужно пересмотреть подходы к критериям оценки эффективности науки. Эти подходы сегодня хорошо известны.

Президент Российской Федерации, послушав ученых на Совете по образованию и науке в 2018 году сказал, что он согласен с тезисом об отказе от библиометрических показателей для оценки эффективности фундаментальных исследований.

При оценке эффективности фундаментальной науки Президент предложил рассмотреть возможность перехода к более надежным, проверенным, в частности, экспертным методам оценки.

Академия наук, как вы знаете, формально является главным экспертным учреждением в нашей стране.

Но по факту это не так. Эту роль надо еще отвоевать и восстановить.

Для реализации идеи демонополизации внешних рынков научной деятельности и доступа к ее результатам,

нужно поправить не только наше внутреннее законодательство и иное нормативное правовое регулирование.

Надо «сломать» машину, которая превращает конкуренцию в науке, очень полезную конкуренцию идей в науке в конкуренцию за наилучшие библиометрические показатели.

Эта машина, с моей точки зрения, должна быть заменена инструментом, отвечающим подлинным интересам развития российской науки.

2. Вторая идея заключается в обеспечении свободного доступа к закупкам НИОКТР самих ученых и их временных коллективов, не являющихся юридическими лицами.

Каждый из участников сегодняшней дискуссии с точки зрения Федерального закона №44 мог бы участвовать в государственных закупках НИОКТР в нашей стране.

Но, как мы выяснили в ходе двухлетнего исследования, на практике реализовать это право невозможно.

Существует около десятка правовых барьеров, которые не позволяют ученым и их временным коллективам непосредственно участвовать в закупках НИОКТР.

Согласно документу, который распространялся на том же заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию в 2018 году, расходы федерального бюджета на научные исследования гражданского назначения в этом

году у нас должны были составить 460 миллиардов рублей.

Из них на государственное задание – 181 миллиард.

Это значит, что 60% приходится на закупки на аукционах и конкурсах.

Аукционные закупки научных работ, на мой взгляд, парадоксальная практика, поскольку заказчик, как правило, не в состоянии определить необходимый уровень и содержание конкретных компетенций научного персонала исполнителя.

Необходимость обеспечить реальный доступ ученых и временных научных коллективов к государственным закупкам обусловлена тем, что огромный ресурс, распределяемый через закупки с участием лишь юридических лиц, предполагает, что **до 80% цены госконтрактов уходит на налоги и администрирование исследований, т.е. не на зарплату ученых, не на развитие собственно науки и обслуживание государственных контрактов.**

Реальная возможность закупать научные работы непосредственно у самих ученых и у их временных коллективов может в 3-4 раза повысить эффективность государственных затрат на науку и стать очень важным драйвером развития науки в нашей стране.

М.В. УГРЮМОВ

академик РАН, д.б.н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Глубокоуважаемые коллеги, мы присутствуем при обсуждении стратегически важного вопроса о развитии российской науки.

Прозвучавшее здесь утверждение о том, что научная общественность его уже обсудила и фактически позитивно оценила, я считаю преждевременным.

Понятно, чтобы обсуждать эту проблему, нужно иметь определенные профессиональные и моральные основания.

Надеюсь, они у меня имеются.

Я работаю в Академии наук с 1969 года.

Все время занимаюсь научной работой и довольно большой период времени занимался научно-организационной работой внутри страны и международным сотрудничеством.

В этом отношении чрезвычайно полезным может оказаться мой многолетний опыт работы во многих развитых странах, где я не только проводил научные исследования, но и занимался организацией науки.

Накопленный опыт работы в России и за рубежом позволяет использовать многосторонний системный подход к анализу обсуждаемой проблемы.

Прочитав предварительно предложенную для обсуждения «дорожную карту», я понял, что в ней **фактически предлагается кардинально изменить существующую концепцию развития российской науки, которая до последнего времени нацелена на повышение конкурентоспособности в мире.**

В отличие от этой концепции, в «дорожной карте» предлагается изолироваться от мировой науки, создав собственные критерии оценки научных достижений, «назначив» успешными российских ученых по субъективным критериям.

Другими словами, авторы «дорожной карты» предлагают её в качестве концепции развития российской науки, альтернативной концепции развития науки, существующей в развитых странах и пока еще доминирующей в нашей стране.

Теперь позвольте перейти к содержательной части моего выступления – воспроизвести и прокомментировать основные выводы, которые приведены в «дорожной карте».

Так, первый вывод гласит:

«Необходимость разработки и принятия в форме нормативного правового акта «дорожной карты» развития конкуренции в сфере науки обусловлена, прежде всего, негативными последствиями укоренившейся в России западо-ориентированной и западо-зависимой модели функционирования науки, превращение её в одного из главных мировых поставщиков «научного сырья» по отрицательной цене».

Фактически авторы дорожной карты предлагают на законодательном уровне поменять концепцию развития науки в России, изолировав отечественную науку от мировой.

Я категорически не согласен с существующими представлениями о том, что России исторически предначертан особый путь развития, включая развитие науки.

Более того, я уверен, что единственная возможная модель эффективного развития науки, используемая раз-

витыми странами, – это получение конкурентоспособного продукта в виде новых научных знаний, общедоступных в открытом научном пространстве.

В рамках этой концепции качество научного продукта коррелирует с рейтингом издания, где опубликованы соответствующие материалы, а, точнее, с оценкой высококвалифицированных экспертов вне зависимости от их национальной принадлежности.

В свою очередь, индекс цитирования является показателем востребованности продукта.

На этом заседании прозвучало, что наших экспертов не приглашают для рецензирования и участия в работе международных журналов.

Не могу с этим согласиться, так как знаю российских ученых с безупречной научной репутацией, которых регулярно приглашают для участия в такого рода работе.

Я сам практически еженедельно получаю такие приглашения и редактирую номера зарубежных высокорейтинговых журналов. Другой разговор, что ученых высокого уровня в России с каждым годом становится все меньше.

На этом вопросе я специально остановлюсь позднее.

В качестве второго вывода, сделанного в «дорожной карте», является конкретизация стоящих задач:

«Одной из задач «дорожной карты» развития конкуренции в сфере науки является разрешение проблемы монополизации мирового рынка результатов научной деятельности узкой группой хозяйствующих субъектов, контролируемых преимущественно странами глобального Севера.

К проявлениям этой монополии, в частности, относится навязанное мировому научному сообществу при помощи псевдомеждународных реферативных баз данных, экономическое состязание за достижение наивысших показателей публикационной активности и цитируемости.

Основными бенефициарами этого соревнования, оплачиваемого самими учеными и государствами – поставщиками «научного сырья», являются те же страны глобального Севера и зарегистрированные в них крупнейшие научные издательства и базы данных».

Я считаю это положение «дорожной карты» не только неправильным, но и крайне вредным для развития российской науки.

У меня нет сомнения в том, что монополизации результатов фундаментальных исследований нет и быть не может.

Монополизировать результаты фундаментальных исследований так же невозможно, как и приватизировать воздух.

На самом деле происходит монополизация не научных результатов, которые опубликованы, а тех статей, которые опубликованы, поскольку издатель должен компенсировать затраты на пропаганду этих данных.

Действительно, распространение научной информации обеспечивается издательствами и базами данных, создание и поддержание которых требует постоянных расходов и инвестиций, что в открытом рынке должно компенсироваться и даже приносить прибыль.

Единственным обязательством перед издательством, которое берет на себя ученый, опубликовавший статью, это – запрашивать у издательства разрешение на копиро-

вание материалов (например, рисунков), которые предполагается использовать при написании других, обычно обзорных статей.

Такое разрешение дается автоматически и мгновенно без какой-либо материальной компенсации.

Монополизация результатов прикладных исследований тем более невозможна, поскольку интеллектуальная собственность на разработанные оригинальные технологии закрепляется международным правом в виде патентов.

Для того, чтобы избежать нечестной конкуренции или «заимствования», необходимо следовать общепринятому в мире алгоритму – **сначала оформляется патент и только после этого можно обнародовать полученные результаты в виде статей и выступлений на конференциях.**

В качестве третьего краеугольного камня «дорожной карты» (3-й вывод) предлагается рассмотреть новую возможность организации научной деятельности:

«К числу ключевых проблем конкуренции в сфере науки в России относится **проблема необоснованного ограничения непосредственного доступа граждан, осуществляющих научную деятельность, и временных научных коллективов, не являющихся юридическими лицами, к бюджетным ресурсам, распределяемым посредством публичных закупок.**

Ожидаемыми позитивными результатами разрешения данной проблемы могут стать: **существенное повышение эффективности публичных закупок НИОКТР; преодоление «офисного рабства» ученых; увеличение бюджетных расходов на оплату их труда за счет снижения**

расходов на «административное сопровождение» НИ-ОКТР».

По ряду соображений, это предложение носит весьма сомнительный характер.

Однако в любом случае нужно иметь в виду, что такого рода доступ возможен только при двух условиях: регулярное – раз в 2-3 года подтверждение научной квалификации по результатам работы; наличие технических возможностей осуществлять работу вне «офисного рабства».

Можно себе представить проведение исследований в «домашних» условиях по общественным наукам и математике, но практически невозможно – по естественным наукам: физике, химии, биологии.

И, наконец, авторы «дорожной карты» считают, что (4-ый вывод):

«Основные положения представленной в статье теоретической модели могут быть использованы при разработке официального проекта «дорожной карты» развития конкуренции в сфере науки, которая в соответствии с распоряжением Правительства России от 2 сентября 2021 г. № 2424-р должна быть утверждена до 1 марта 2022 г.»

По моему мнению, перед рассмотрением дорожной карты Правительством России необходимо провести ее широкое обсуждение научной общественностью, в первую очередь на общем собрании РАН.

Разрабатываемая «дорожная карта», по мнению основного докладчика, имеет хорошие шансы стать авангардом новой государственной политики в сфере науки, ориентированной на обеспечение суверенитета.

Мне кажется, предложенная «дорожная карта», приведет к деградации науки в России и к потере научного, технологического и экономического суверенитета страны, что представляет собой угрозу национальной безопасности.

Вспомните, за последние 15 лет у нас три раза менялась концепция развития науки.

Сначала краеугольным камнем в фундаменте российской науки считалась Академия наук, и стоял только вопрос о повышении ее конкурентоспособности.

Затем РАН в том виде, в котором она была создана в 20-ые годы, была волюнтаристски ликвидирована, несмотря на то, что она оставалась единственной конкурентоспособной мультидисциплинарной научной организацией в России.

Потом появилась концепция реорганизации науки по «западному», университетскому типу, которая ошибочно считается, причем только в нашей стране, наиболее эффективной научной системой.

Действительно, в получении фундаментальных знаний в большинстве западноевропейских стран, в США и в Китае ведущую роль играют академические структуры – Структуры Национального научно-исследовательского центра во Франции, Институты Макса Планка в Германии и другие, построенные, кстати говоря, в послевоенные годы по образу и подобию Советской академии наук.

Попытки Ливанова Д.В. и Котюкова М.М. – некоторое время назад руководителей научных ведомств, создать научную структуру, альтернативную РАН, не привели ни к чему, кроме дальнейшего витка деградации российской науки.

Предложенная нашему вниманию «дорожная карта», по сути, является новой концепцией развития

российской науки на основе местечковых представлений о научных ценностях и о критериях оценки эффективности работы научных коллективов и отдельных ученых.

Анализируя результаты перманентного реформирования науки на протяжении последних пятнадцати лет и особенно попытки навязать представление об особом пути развития России и её науки, невольно приходишь к заключению, что это горькая правда.

В развитых западноевропейских странах наука развивается эволюционно по спирали, причем на каждом новом витке используется предыдущий позитивный опыт.

Напротив, российская наука развивается революционно «по кругу», причем каждый новый цикл начинается без учета предыдущего позитивного опыта или даже с его отрицания.

Повторю, что за последние 15 лет у нас три раза изменилась концепция развития науки, причем каждая последующая концепция отрицала предыдущий опыт, что привело к развалу науки.

Вопрос, который сегодня обсуждается, по-видимому, не случайно созвучен с тем, что недавно был поднят в Думе на слушаниях, посвященных состоянию региональной науки в России.

На этом заседании также была предпринята попытка подменить понятие конкурентоспособности российской науки в мире понятием конкурентоспособности науки в различных регионах России.

Учитывая одинаковую тенденцию к очередному витку реформирования науки, просматривающуюся в «дорожной карте» и в слушаниях в Думе, встают два вопроса.

1. Как объяснить запрос на кардинальное изменение политики, направленное на повышение конкурентоспособности, на концепцию повышения конкуренции в сфере российской науки в условиях ее искусственной изоляции?

Я подчеркиваю, искусственной изоляции от мировой науки.

2. И какие условия необходимо выполнить для решения каждой из этих задач, исходя из состояния научно-технологической сферы в нашей стране?

Я хотел просто дать какие-то выдержки из того доклада в Думе, поскольку они этому же посвящены, и ответить на вопрос, какова конкурентоспособность российской науки в мире.

Здесь я возвращаюсь к тому, что Web of Science является действительно наиболее репрезентативной базой данных научных достижений.

Почему?

Научные достижения не так, как здесь было сказано, определяются количеством статей, а количество статей определяет количество новых знаний, которые получены и представлены в этих статьях.

Здесь вообще многим нашим людям при игре в наперстки не было бы цены, это не одно и то же.

И вот что происходит.

По публикациям мы ни в какие конкуренты никому не годимся.

Далее, условия обеспечения: понятно, это финансирование, кадровое обеспечение и наличие оптимальной научно-исследовательской инфраструктуры.

Происходит хроническое недофинансирование, то есть у нас финансирование в разы меньше, в зависимости от ВВП.

И в докладах Правительства РФ, и сейчас прозвучала цифра, сколько-то там триллионов у нас вкладывается в науку, но эта цифра ни о чем не говорит.

Надо говорить, какой процент от ВВП, сколько приходится на одного научного работника, сравнивать по этим показателям. Все остальное — это ерунда.

То же самое, резкое сокращение научных сотрудников у нас.

Количество научных сотрудников на 10 тысяч населения у нас гораздо меньше, чем в развитых странах.

И самое главное, у нас идет очень мощный отток кадров, об этом уже говорилось.

Самые последние данные убивают.

Мы интуитивно понимаем, что brain-drain у нас все время усиливается.

Почти 50% научных работников моложе 39 лет мечтают отсюда уехать. Это катастрофическая ситуация.

Как же все-таки объяснить запрос на замену концепции повышения конкурентоспособности российской науки в мире, то есть это первая задача, которую можно решать, на концепцию повышения конкуренции в российской науке в условиях ее искусственной изоляции от мировой науки?

Назову основные условия, необходимые для решения этой задачи.

Повышение конкурентоспособности в мире — это многократное повышение инвестиций в научную сферу как одно из проявлений построения социального государства.

Вы обратили внимание, что Путин В.В. в последних выступлениях несколько раз подчеркивал, что мы, наконец, должны начать строить социальное государство?

То есть, **во-первых**, из этого следует, что у нас нет социального государства.

Во-вторых, что один из элементов построения социального государства — это и есть колоссальная инвестиция в науку, здравоохранение и образование, и вот это необходимое условие.

И вторая задача — передача административных полномочий, это уже организационная задача, для управления наукой успешными учеными, проявившими себя талантливыми менеджерами.

Для того чтобы выполнить эту глобальную задачу, которая стоит перед всем миром и нашей страной, которая не является изгоем. А тот же Путин В.В. подчеркивает, что мы кровь от крови, плоть от плоти Европы, от Старого света.

И что еще необходимо для решения второй задачи — создания локальной российской научной среды.

Это внедрение волонтаристской оценки научных достижений российских ученых без привязки к международному золотому стандарту, не требующее дополнительных инвестиций.

Есть золотой стандарт, можно ввести алюминиевый, можно еще какой-то. Это не требует никаких затрат, никаких обязательств.

И поэтому дальше будет разрушаться наука, и нам будут предлагать подумать о другой модели, потому что эта не работает.

И опять будет следующий виток круга, о котором я говорил.

Р.И. НИГМАТУЛИН

академик РАН, д.физ-мат.н., научный руководитель
Института океанологии им. П.П. Ширшова

КАК НАВЕСТИ ПОРЯДОК В НАУКЕ И ОБЕСПЕЧИТЬ ЕЕ РАЗВИТИЕ?

Коллеги, со многими основными положениями, высказанными Михаилом Вениаминовичем я, конечно, согласен, особенно во второй половине.

Но по некоторым моментам все-таки хочу выступить, как говорится, в перпендикуляре.

Я как-то нашел журнал «Форбс» и прочитал такие поразившие меня слова самого Форбса:

«...что поразительна неспособность экономистов и политических лидеров оценить, чем сегодня болеет большинство экономик и назначить правильное лечение.

Это свидетельствует об их твердолобом отказе изучать факты и о глубинной эмоциональной приверженности фальшивым идеям и умственной лени...».

К сожалению, это относится и ко многим профессорам.

Михаил Вениаминович уже отметил, что доля ВВП, приходящая на здравоохранение, образование, науку и культуру более чем в два раза ниже, чем в Европе.

Поэтому и сократилось число научных работников.

Они же должны жить благополучно материально.

Это же относится и к аспирантам.

По числу ученых на душу населения мы на 29-м месте.

То есть мы откатились на задворки социальных стран.

Количество диссертаций сократилось в разы, и только 12% заканчивающих аспирантуру защищает диссертации.

Кстати, Путин В.В. назвал четырех главных врагов: **бедность, проблемы здравоохранения, образования и проблемы инфраструктуры.**

Уровень людей, которых Президент подобрал для решения этих вопиющих проблем, удручает.

Эти люди изолировали себя от Российской академии наук.

Удручает уровень правительственных лидеров во всем мире.

Сейчас во всем мире идет пренебрежение наукой и менеджеризация реальных дел.

Смотрите, что творится в Соединенных Штатах, уважаемой всеми нами стране.

А что в Европе принимали по энергетике?

Немецкие профессора жаловались, что их, энергетиков, отстранили от решения энергетических проблем.

Теперь все берут в свои руки менеджеры и партийные деятели.

А у нас бездумные чиновничьи решения по организации здравоохранения, образования и науки так же принимались вопреки мнению специалистов.

Поэтому у нас и демографическая катастрофа.

Я все-таки хотел напомнить, что это самая острая проблема нашей страны, и не надо избегать ее обсуждения под предлогом, что мы обсуждаем проблемы науки.

За два пандемийных года в России прирост смертности относительно населения в 7 раз больше, чем в Европе и в 2,5 раз больше, чем в США.

А у нас говорят, что мы лучше всех стран преодолели пандемию.

Во-первых, не преодолели.

Во-вторых, у нас хуже остальных стран Европы и Северной Америки.

В 2021 году за один год естественная убыль населения уже составляет более одного миллиона человек. Рождаемость за пять лет упала на 26%.

В 1985–1990 годы смертность в России (относительно населения) была примерно такой же, как в Европе, а после «революции» 1991 года стала быстро расти.

После прихода к власти В.В. Путин инициировал укрепление здравоохранения, кратного увеличения его финансирования.

В результате с 2005 года смертность стала существенно уменьшаться.

С улучшением уровня жизни стала расти рождаемость так, что в 2012 – 2014 годы она чуть превысила смертность.

Однако после 2015 года рождаемость быстро пошла по наклонной.

У нас идет депопуляция населения.

А смертность в трудоспособном возрасте в три раза выше, чем в Европе у мужчин, и в два раза – у женщин.

Число трудоспособного населения сократилось, в том числе и в науке.

Мы на 119-м месте по уровню здоровья, устанавливаемого высокорейтинговым международным журналом «Ланцет» по 39 показателям. На это обратил внимание академик А.Г. Аганбегян.

Что же нужно делать, чтобы сократить высокую смертность?

Ученые должны об этом думать.

Анализ показателей смертности в зависимости от затрат на государственное здравоохранение (так называемое бесплатное здравоохранение) показал, что после прихода к власти В.В. Путина происходил рост затрат на здравоохранение).

К 2017 году подушное финансирование здравоохранения кратно выросло и достигло почти тысячи долларов по паритету покупательной способности.

В результате смертность упала с 16,6 (на 1000 жителей) до 12,3 в 2019 году (т.е. до пандемии).

Следует иметь в виду, что в советской России смертность была еще ниже (10,5 – 11,0), т.е. в 2017 – 2019 годах (до пандемии) у нас каждый год умирало на 200 тыс. человек больше, чем при советской власти.

В новых странах Европы затраты на здравоохранение в долях ВВП в 1,5 раз больше, и смертность меньше (на уровне 11,0).

А в западных странах, где эта доля в два раза больше, чем у нас, смертность уже 9,5, хотя в 1991 году мы начинали с одного и того же уровня смертности.

То есть при малом финансировании здравоохранения (меньше 1000 – 1500 \$ппс/ (душа×год)), смертность определяется в основном финансированием.

А при более высоком финансировании (более 2000 \$ппс/(душа×год)) дальнейшее увеличение финансирования здравоохранения гораздо меньше влияет на смертность, а приводит только к улучшению лечения, повышению удобств лечения и комфортным условиям в больницах и т.д.

Поэтому можно рассчитать, сколько денег нужно добавить, чтобы по уровню смертности достигнуть уровня РСФСР, а потом и Западной Европы.

Однако существует проблема: мы тратим на здравоохранение 30 тысяч рублей на душу в год, а для достижения уровня РСФСР и новых стран Европы, в том числе и Прибалтики, нужно в полтора раза больше.

Для приближения к уровню Западной Европы – в два раза больше.

Поэтому в письме Председателю Правительства Мишустину М.В., которое подписали 23 академика, мы отметили, что для возврата к уровню смертности как в РСФСР, на здравоохранение необходимо добавлять около 400 миллиардов рублей в год.

Тогда смертность снизится до советского уровня.

А чтобы снизить смертность до европейского уровня, надо последующие пять лет добавлять по 400 миллиардов рублей в год.

И ученые должны об этом настоятельно говорить.

Академик А.Г. Аганбегян инициировал такое письмо, и я горжусь тем, что сразу присоединился к его доработке.

В числе ведущих медиков, которые подписали это письмо, и М.В. Угрюмов.

Десятки академиков готовы его подписать.

А какие государственные расходы предлагают направить на здравоохранение?

Они составляют 3,8–3,7% от ВВП, т.е. на прежнем уровне.

То есть Правительство не осознает, как решить эту главную по В.В. Путину проблему.

Мне представляется, что в разговорах о конкурентоспособности, в рейтингах надо учитывать только статьи в Web of Science и в Scopus, это модно.

Но это не главная проблема организации науки.

Не надо меня призывать печататься за рубежом.

Я и так это делаю, когда это уместно и только для итоговых материалов.

При советской власти, когда нам мешали делать зарубежные публикации, мы все равно публиковались, и нас знали.

Этой проблемы особо и нет. Потому что конкуренция и дискуссии очень важны.

Но кричать нужно о том, что у нас в течение 30 с лишним лет двукратное недофинансирование науки и образования, а мы обсуждаем конкуренцию.

При отсутствии приборов и молодежи, которая с утра до ночи могла работать в науке, не будет развития.

Поэтому и страна стала неэффективной, ученых нет.

Я все-таки коснусь некоторых основных проблем развития науки, которые были отмечены, но все-таки не как самые главные.

Во-первых, изменение процедур защиты диссертации.

Без обсуждения в Академии наук они становятся все более нелепыми.

То есть были приняты изменения, чиновники приняли, и мы, значит, подчиняемся.

Во-вторых, зарплата аспиранта.

Я в Московском университете заведую кафедрой на механико-математическом факультете.

Мы сейчас ставим вопрос о том, что студентам, поступившим на мехмат (!), нужно доучивать школьную математику.

На мехмате вроде бы самые-самые математики...

Что касается аспирантов, то в разы сократилось число защищаемых диссертаций на факультете, **потому что аспирант попросту не может достойно жить.**

Нельзя работать на грантовой основе.

Грант должен добавлять, стимулировать, поощрять наиболее талантливых студентов.

Он должен составлять не менее 30% стимулирования науки, и грантов должно быть гораздо больше.

А большинству аспирантов, особенно на периферии, грантов не хватает.

А как он может жить на стипендию в 8600 рублей в месяц?

В-третьих.

Михаил Вениаминович сказал, что нет региональной науки.

Она есть.

Люди, которые делают науку в регионах, и создают так называемую региональную науку.

Не надо придирается к словам. Это не означает, что научные работники в регионах априори слабее.

В московских университетах и в столичных институтах не все лаборатории являются мировыми лидерами.

Но они все равно нужны.

Да, пока не лидеры, но со временем могут ими стать.

Бездумная догматическая конкуренция может их уничтожить.

Пример:

Министерство объявляет разные программы о выделении дополнительных средств ряду именитых университетов.

А что, в остальных учебных заведениях, которые обошли дотации, учатся не российские студенты?

Разве они должны учиться в третьесортных условиях?

Вместо того, чтобы добиваться подъема финансирования образования и науки, оно занимается группированием.

В-четвертых, о журналах.

Наши отечественные журналы беднеют, потому что для баллов все посылают свои работы в зарубежные журналы.

Это же полнейшая глупость, если не сказать, вредительство.

Самый главный журнал Российской академии наук «Вестник Академии наук», исчезает.

Как вы думаете, какой его тираж?

Сто экземпляров. Якобы, читайте электронную версию.

А этот журнал должен посылаться всем министрам, всем депутатам Госдумы и Совета Федерации, всем губернаторам, даже замминистрам, руководителям корпораций по некоторым направлениям.

В журнале всегда публиковались статьи с пространственным взглядом для более широкой публики, а не только специалистам по конкретной тематике.

Возможно, это самый главный научный журнал.

А мы сидим, молчим и говорим о конкуренции.

И, наконец, о рейтингах.

Путин В.В. и министр науки В.Н. Фальков сказали: «А что вы предлагаете?».

Мы же снова начинаем: Web of Science и так далее.

Вот Сергей Владимирович правильно сказал: «Ну, как же так? В каком-то зарубежном журнале оценка за статью в баллах в десятки раз больше, чем за статью в нашем академическом журнале».

Это же глупость.

Как все-таки надо оценивать научные достижения?

Да, у нас всегда была эта система.

Какие были рейтинги?

А рейтинги в лаборатории!

Каждый год лаборатории по отдельности собираются, выделяют свои важнейшие результаты, отдают дирекции института.

Директор разбирает, на Ученом совете докладывает важнейшие аспекты в масштабах института.

Потом институты отдавали результаты в тематические отделения.

В отделениях был свой отбор, и на заседаниях отделений академик-секретарь докладывал важнейшие результаты в масштабах отделения.

А потом на общем собрании Академии наук президент и вице-президенты выделяли важнейшие результаты в масштабах Академии наук.

Конечно, должны быть гранты, правительственные поощрения, государственные премии, но их должны добавлять.

Конечно, рейтинг должен учитывать и признания зарубежных ученых.

Система оценки рейтингов должна делаться не формально, а специалистами в науке.

Это же дважды два – четыре.

Я тоже работал в Америке.

И когда я туда приехал в девяностые годы, не могу сказать, что там система организации науки была лучше, чем в Советском Союзе.

Наша система была лучше, только в США организовали более комфортные условия для работы, обеспечили приборами.

У нас была большая свобода в выборе тематики, больше научных дискуссий.

Я доказывал это в своем институте, искал поддержку у коллег из других институтов.

Даже неформальные отклики из-за рубежа могли мне помочь.

А что сейчас?

Я должен у каких-то чиновников выпрашивать гранты?

Тем более РФФИ разгромили.

Опять его будут делать чиновники.

Поэтому мы втягиваемся в очередные модные разговоры.

Я должен сказать, еще раз подчеркнуть, что вообще во всем мире прошло оупение, менеджеризация действительности.

Какие-то чиновники и партийные деятели в Германии определяют, как развиваться энергетике.

А у нас кто определяет?

У нас тоже вышли вперед некомпетентные чиновники и менеджеры в Министерстве науки и высшего образования, которое назначает нам директоров, навязывает нам решения и так далее.

Там практически нет ученых, а мы сейчас снова говорим про конкуренцию.

Михаил Вениаминович говорит, что у него есть публикации.

Да у меня тоже много публикаций в самых престижных научных журналах.

Причем здесь это?

Все эти зарубежные публикации нужны только для того, чтобы меня знали, это мое честолюбие.

А самые главные результаты в первую очередь мы должны публиковать у себя, на русском языке.

Мы работаем на свою страну.

В Академии наук и в институтах мы можем оценивать того или иного ученого, ту или иную лабораторию.

Конечно, нужно сотрудничать с мировой наукой, и я сам сотрудничаю.

Но главное – сначала у себя навести нужный порядок.

И тогда мы опять будем полностью востребованы у себя в стране и более конкурентоспособными с зарубежной наукой.

Раздел II. Дискуссия: реплики, вопросы, комментарии

Я.М. МИРКИН

д.э.н., руководитель Отдела международных рынков капитала
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН

Выступление Сергея Васильевича действительно произвело впечатление призыва к закрытости.

Мы все боимся ухода из одной крайности в другую.

И, наверное, было бы правильно говорить о золотой середине.

Никто не может сомневаться в том, что нужно кон-
курировать, что нужно выращивать собственные базы
данных, собственные индексы цитирования. Никто.

**Но давайте говорить именно о золотой середине, и
давайте не идеологизировать этот вопрос, потому что в
выступлении Сергея Васильевича чувствовались эти
нотки, «страны севера» и так далее.**

Отзвук той конфронтации, которая, к сожалению,
нарастает, и которую мы наблюдаем.

Как пройти по острию ножа?

Мы, действительно, чувствуем чрезмерную завы-
шенность в части международного представительства и
заниженность требований, которые предъявляются сего-
дня к ученым в части отечественных публикаций, их более
низкие оценки обществом и государством.

Нужна золотая середина.

Кроме того, для ученых в области общественных наук в части общего признания очень странным является исчезновение такого понятия как книга.

Она всегда была для нас, может быть, самым крупным достижением, где мы обобщали свои главные взгляды и научные результаты.

Сегодня кажется, что выпуск твоей собственной книги – ничто, нужны статьи, десятки статей.

У книг – инфляция, они исчезают из общественного пространства как нечто особенное, сверхзначимое.

Нам, действительно, нужно пройти по острию ножа.

С одной стороны, не терять открытости, которая должна оставаться.

Не лишаться эффекта «быть со всеми и быть для всех», который получают российские ученые от открытого доступа к базам данных, к результатам фундаментальной науки, от участия в них, от международного признания.

С другой стороны, необходимо помогать нашей личной и институциональной конкуренции с зарубежными коллегами и институтами в том, что упрощенно называется «импортозамещение».

Высокая ценность наших книг, внутренних публикаций и собственного разговора между собой заключается в том, что извне может прийти, кто угодно и участвовать в них.

Для продвижения наших баз данных и индексов вовне России выдвигаются высокие требования.

Китайцы же наоборот успешно продвигают вне государства признаваемые обществом и государством так называемые «внутренние ценности».

Я хотел задать несколько вопросов Сергею Васильевичу, потому что его выступление показалось мне внутренне противоречивым.

Своим вопросом я хотел обратить внимание на услышанные мною противоречия. Но после речи Михаила Вениаминовича, подготовленные мною вопросы, перестали быть интересными, даже если были таковыми до нее.

Михаил Вениаминович, Ваше выступление и упоминание НАТО в статье Сергея Васильевича напомнило мне о таком факте.

Извините, уже двадцать раз говорил, что в ранней молодости я учился у академика Колмогорова и доцента Аганбегяна.

Сейчас я сошлюсь на академика Колмогорова.

Академик Колмогоров где-то в начале семидесятых опубликовал в детском физико-математическом журнале «Квант» статью про Ломоносова.

В этой статье он поставил вопрос, почему такой талантливый человек, как Ломоносов не достиг ничего существенного в науке, как это можно объяснить?

И объяснил.

Во времена Ломоносова у российской науки не было постоянной и надежной возможности интегрироваться в мировую науку.

И, конечно же, будь ты хоть семи пядей во лбу, в отрыве от мировой науки настоящим ученым ты сделаться не можешь.

По мнению Колмогорова, это была трагедия для Ломоносова и не только для него.

Легенда, которая была придумана в сталинские времена о России — родине слонов, мне кажется, до сих пор существует в сознании многих из нас.

Во всяком случае, в «дорожных картах» она явно просвечивает.

Мы всё жмемся и жадничаем, и всё боимся передать слишком много знаний этим самым натовским злодеям.

Если аккуратно проанализировать российскую, советскую и опять российскую науку за многие-многие годы, мы найдем немало очень достойных её представителей.

Один упомянутый Колмогоров чего стоит!

Но наша наука никогда не была самодостаточной. (А можем ли мы назвать какую-нибудь страну с самодостаточной наукой?!) Эйнштейн, Ньютон и даже Лейбниц не были русскими.

Михаил Вениаминович, позвольте мне бросить горький упрек Вам и Роберту Искандеровичу.

Вы все время предлагаете одно и то же: надо увеличить финансирование науки.

Предположим, Вы этого добьетесь.

В чьи руки Вы отдадите деньги?

«Диссернет» посчитал, что 77 клиентов «Диссернета» стали ректорами наших вузов.

«Диссернет» не устает извиняться за то, что он проверил далеко не всех «ученых».

Наверняка существуют еще 77 ректоров, которых не проверили и которые по своей научной квалификации от первых семидесяти семи ничем не отличаются.

Я даже не говорю о проректорах.

Вам мало того финансирования, которое они уже получили?!

Замечательный писатель Булгаков в свое время решил задачу, похожую на ту, что вырисовывается сейчас перед нами.

Ему, правда, не деньги надо было дать достойным и не дать недостойным, а уважение. И наделить этим благом он хотел не ученых, а писателей.

Так как слово «писатель» в булгаковские времена было полностью дискредитировано, он придумал новый термин – «мастер».

Михаил Вениаминович, если вы придумаете для настоящих ученых новое название и создадите алгоритм финансирования, который не позволит утечь ни одной копейке в карман человека с другим титулом, я поддержу то, что вы говорите.

Но пока Вы этого не придумали и не создали, мне кажется, Вы предлагаете ускорить гибель российской науки.

А.Р. ОГАНОВ

российский кристаллограф, профессор Сколтеха и МИСиС, профессор РАН, член Европейской Академии

Очень интересное заседание. Я, честно говоря, кипел разными идеями, стараясь не кипеть эмоциями во время доклада Сергея Васильевича Максимова, однако, Михаил Вениаминович Угрюмов блестяще возразил первому докладчику. Мне остается только добавить какие-то детали.

Когда мы говорим о том, что нам нужно самоизолироваться, потому что вокруг злые страны, которые будут использовать наши опубликованные результаты, я считаю, это исключительно опасно.

В данном случае многие проблемы смешиваются воедино и в результате из этого клубка очень трудно выйти логическим образом, и основной упор делается на эмоциях.

Мне кажется, это неверный стиль для обсуждения угроз, вызовов и так далее.

Попробую проиллюстрировать.

Мы публикуемся в западных журналах.

Я, например, публикуюсь, и меня активно приглашают рецензировать западные статьи, хотя моя отчетливо пророссийская позиция ни для кого не секрет.

В 2017 году меня избрали в Европейскую академию.

В 2020 году я стал Fellow Американского физического общества и Королевского химического общества.

И это в разных странах запада, по разным областям науки, в санкционное время и, несмотря на мою пророссийскую позицию. И я знаю другие такие примеры.

Говорить о том, что нас не любят и поэтому не замечают, мне кажется, неправильно.

Возможно, нас не замечают, когда мы, может быть, плохо делаем свое дело?

И, может быть, лучше заняться своим делом и научиться выполнять его хорошо?

Для этого как раз очень важны механизмы конкуренции.

Ты понимаешь свое положение относительно коллег внутри страны, а также за её пределами.

Ты понимаешь, что расслабляться рано, надо идти вперед, двигаться вверх.

Да, публиковаться в российских журналах теперь непрестижно.

Наш лучший журнал – «Успехи химии».

Он вошел в первый квартиль, имеет импакт-фактор около 7, что довольно хорошо, но это единственный пример среди наших журналов.

В этом журнале толковая редакционная коллегия, правильная редакционная политика – и вот результат.

В подавляющем большинстве других российских научных журналов ситуация очень плохая – в таких журналах публиковаться нет никакого смысла.

Мы сами виноваты, что в отечественных журналах публиковаться не так престижно, как в зарубежных.

Недавно я вошел в редколлегию российского журнала, который долгое время был под редакцией очень уважаемого человека, академика Зефирова.

Возможно, вследствие возраста или по иным причинам ему некогда было заниматься журналом.

Журнал превратился в абсолютное болото.

Сейчас этот журнал пришлось переименовать, потому что ассоциироваться с этим журналом стало попросту позорно.

Надеемся, что ребрендинг и пересмотр редакционной политики приведут к чему-то приличному, потому что раньше было, мягко говоря, неприлично.

И в этом виноваты, конечно, не страны запада, а главный редактор.

К сожалению, у нас почти все журналы такие.

Как-то нужно эту проблему решать.

Обсуждая тему научных журналов, имеет смысл посмотреть на Китай.

На китайцев запад давит больше, чем на русских.

Напомню, что в США около 300 человек арестованы или находятся под тяжелейшими обвинениями в связи со шпионажем на Китай.

Эти ученые, как правило, ни в чем не виноваты.

Это просто люди, которые позволили себе страшный грех – сотрудничать с Китаем.

Но их жизни могут быть сломаны.

Да, на Китай давят больше, чем на Россию.

Но посмотрите, как из этой ситуации вышли китайцы.

Вместо того, чтобы самоизолироваться, печататься только на китайском языке, уходить из западных журналов, они сделали по-другому.

Они приняли правила этой игры, реформировали свои собственные журналы, в той же китайской Академии наук, её различных институтах.

Теперь у них огромное число журналов входит в первый квартал.

Публиковаться в этих журналах престижно.

Только за последний год я опубликовал две статьи в одном из таких китайских журналов, будут и другие.

В прошлом году тоже публиковался.

Публиковаться в подобных журналах почетно, ведь международную экспертизу в них осуществляют как западные ученые, так и китайские.

Давайте и мы в России сделаем свои хорошие журналы.

Весь накал выступлений, что нас обижают, ученых не ценят, потому что нас хотят разрушить, и поэтому мы на плохих позициях – неверен.

Предложения из разряда «Давайте мы ото всех отгородимся, будем первыми парнями на своей деревне» – путь в никуда.

Самоизоляция добьет Россию, потому что в замкнутой системе энтропия возрастает.

Только в замкнутой системе мог возникнуть такой «великий» локальный ученый как Трофим Лысенко, волюнтаристски назначенный великим ученым, но на деле бывший лжеученым в глазах всего мира.

Тогда звучала та же самая риторика, которую я, честно говоря, с ужасом слышал сегодня.

Нет, наука так не работает.

Наука работает по принципам открытости.

Публикуясь в иностранных журналах, вы действительно даете доступ к своим результатам другим ученым, но ровно в этом и смысл науки – строить знание усилиями всего человечества.

И потом, западные ученые ведь тоже публикуются в открытых источниках.

Почему мы не пользуемся их результатами?

Мы играем в одну и ту же игру.

Или вы играете в эту игру и стараетесь в ней победить, или вы придумываете жульнические способы уйти от конкуренции, сказав, что мы самые лучшие без конкурса.

Но без конкурса, без соревнования чемпионы не назначаются.

Поэтому я считаю, что надо играть в конкурентную игру так, как это делают китайцы и побеждать так, как делают китайцы.

И будет хорошо, если мы сможем это делать еще лучше.

А если не можете побеждать, значит, вы знаете свое место.

В.Н. ЛОПАТИН

д.ю.н., Научный руководитель Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности

Как научный руководитель Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, созданного шестнадцать лет назад совместным решением Счетной палаты России, Торгово-промышленной палаты России при участии Российской академии наук я, конечно же, буду говорить о проблемах интеллектуальной собственности.

При разности и даже полярности подходов, которые прозвучали сегодня в рамках нашей дискуссии, ни у кого не вызывает сомнения, что интеллектуальная собственность является инструментом оценки экономической ценности результатов.

В том числе научной деятельности, с точки зрения конкурентоспособности как отдельных ученых, авторов этих результатов, так и правообладателей в лице соответствующих коллективов или государства в целом.

И, учитывая то, что принято решение о «дорожной карте», и что наша дискуссия имеет такой целенаправленный характер, за оставшиеся несколько месяцев, я хотел бы просить, чтобы мы оценили существующие проблемы и определили дополнительно какие-то подходы и предложения для включения в этот самый документ.

Первая проблема, которая требует решения и, к сожалению, пока не нашла отражения в «дорожной карте», это конкуренция ведомств, которые и выступают регуляторами в сфере интеллектуальной собственности.

Россия — единственная страна мира, где сегодня такого рода регуляторами являются 20 ведомств.

Минобрнауки — ведомство, отвечающее за государственную политику в сфере авторского права и смежных прав, в том числе произведений науки.

Минэкономразвития и Роспатент, отвечают за патентное право.

Минсельхоз отвечает за селекционные достижения,

Минцифры — за цифровые права и программные продукты, цифровые технологии и так далее. И список можно продолжить.

У семи нянек получается дитя без глаза, поскольку наука-то все-таки одна и ученые одни.

И когда нам предлагают в этой части абсолютно взаимоисключающие порой подходы и правила, то, конечно же, нужно следовать общей тенденции, которая происходит в мире с 1967 года: централизация администрирования процессами в сфере интеллектуальной собственности.

Тогда Бернский и Парижский союзы были объединены в единую структуру и их функции переданы Всемирной организации интеллектуальной собственности.

С тех пор это же происходит во всех без исключения странах СНГ, Евразийского союза, кроме России.

В «дорожной карте» эта проблема должна быть отражена: централизация функций администрирования в сфере интеллектуальной собственности в рамках одного ведомства.

Вторая проблема.

Мне показалось, что все-таки речь идет не об изоляции, а об изменении подходов, связанных с обеспечением конкурентоспособности.

Говорилось о таких показателях как патентные заявки, патенты и публикации.

Но дело в том, что интеллектуальная собственность должна обеспечивать экономическую составляющую, экономическую целесообразность для использования этих знаний как для отдельных ученых, так и авторских коллективов и правообладателей в течение всего жизненного цикла.

Но насколько сегодня этот цикл длителен?

Патент — срок действия 20 лет.

У нас сегодня число патентов сокращается, но при этом их коммерциализация ограничивается последние 20 с лишним лет уровнем 2%.

В России продается сегодня всего 2% патентов.

Это и общемировой тренд, поскольку сегодня рынок интеллектуальной собственности, его доля в создании ВВП, добавленной стоимости и его структура изменились.

2000-й год. Интеллектуальная собственность составляла 4% объема в создании валового продукта.

В 2018-ом году — 15%.

К 2030-ому году в рамках цифровизации (программные продукты, базы данных и цифровые технологии) доля интеллектуальной собственности, предполагается, что вырастет до 30%.

При этом, если в 2000 г. доля патентных продаж составляла более 75% в структуре этого рынка, то сегодня обратная пропорция: более 80 процентов продаж — права на объекты авторского права, смежных прав и ноу-хау.

А в России она как была, так и остается на уровне менее 1% в ВВП.

Когда не продается то, что охраняется патентами, через год после неоплаты патентной пошлины патент при-

останавливается, прекращает свое действие, и бери, кто хочешь, бесплатно используй полученные результаты, в том числе, при бюджетном финансировании.

То же касается и научных публикаций.

Можно ли сохранять такой приоритет для оценки результативности науки, в том числе по государственным контрактам?

Поддай патентную заявку, получи патент.

Не важно, что это потом не используют.

Не важно, что это используют наши конкуренты, в том числе за рубежом.

За последние 5 лет в России досрочно прекращено действие более 180 тыс. патентов.

Но, конечно же, если мы изменим эти подходы, не будем делать исключительно упор на патентные заявки и публикации для оценки результативности по государственным контрактам.

А будем учитывать то, что структура рынка изменилась.

Эти негативные тенденции, ведущие к сохранению нашей импортозависимости, можно изменить.

Очевидно, что нам нужно менять эти информационные показатели и оценки результативности науки на показатели экономики интеллектуальной собственности.

Третья проблема связана с тем, что у нас механизмы государственной защиты наших правообладателей не работают в том качестве, как это должно было быть.

Кто сегодня выступает основными участниками, заставляющими работать государственные органы

России на защиту своих имущественных, исключительных прав?

Прежде всего, иностранные компании: табачные, алкогольные, медицинские и так далее, но иностранные.

Число российских участников здесь крайне мало.

И переориентация в решении этой проблемы в рамках «дорожной карты», конечно же, повышает заинтересованность российских правообладателей в использовании инструментов защиты интеллектуальной собственности для своей конкурентоспособности.

И последняя, четвертая проблема, имеющая принципиальное значение.

В российском законодательстве и, к сожалению, этот подход сохранен в праве в странах ЕАЭС: исследования, разработки, НИОКРы и интеллектуальная собственность в целом отнесены к сфере услуг.

Но сфера услуг — это не работы, это не товары и финансы, это совершенно другие подходы к регулированию этих вопросов, включая учет и налогообложение.

Поэтому эта проблема и механизмы ее решения должны также найти отражение и в «дорожной карте».

Пора понять, что интеллектуальная собственность и ее экономика — это самостоятельный сектор рынка, его "четвертая корзина", наряду с товарами, работами/услугами и финансами.

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

академик РАН, д.филос.н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Я хочу поблагодарить всех докладчиков. Очень важные вопросы были подняты.

И сразу хочу сказать, что моя позиция близка к той, которую защищали Михаил Вениаминович и Роберт Искандерович.

Я думаю, что между этими позициями нет большого противоречия.

Но я хочу сказать вот о чем.

Сама постановка вопроса мне кажется необычной, даже странной. Скажу, почему.

Это попытка распространить экономические понятия, экономические идеи на всю сферу человеческой жизни.

Но так не получится, друзья!

Помню, что несколько лет назад известный американский экономист (он даже получил за это премию), **сформулировал такую понятийную модель, согласно которой все сферы человеческой жизни можно было оценивать с точки зрения издержек и выгод, включая любовь, семейные отношения, политические процессы.**

Но так не получается.

Тем более, если это касается науки.

Конечно, мы живем в коммерциализированном и технологизированном мире, все превращается в технологии.

Как известно, технологии имеют коммерческий смысл. Но в науке невозможно всё коммерциализировать.

Наука, прежде всего, имеет целью получение нового знания.

Знание — это особая вещь.

Оно не является товаром.

Об этом много написано и это хорошо всем известно.

Есть классические работы социологов науки, в частности, Роберта Мертона известного социолога, американца.

В качестве одной из составляющих пафоса или этоса науки он выделил всеобщую собственность на результаты научной деятельности, на знания.

Знание может иметь автора, но не может иметь собственника.

Поэтому Эйнштейн не брал патент на теорию относительности, а Менделеев — на периодическую таблицу элементов.

Это относится, прежде всего, к фундаментальной науке.

Вы можете вообще представить все отношения между учеными как отношения конкуренции?

А где научная школа?

Где отношения учителя и ученика?

В науке колоссальную роль играют доверие и авторитет.

Научная деятельность — это сочетание двух, казалось бы, несовместимых начал: скептицизма и критицизма, с одной стороны, и доверия авторитету — с другой.

Без каждого из этих начал научная деятельность невозможна.

Не так давно предлагалось перевести всех исследователей на гранты.

Если грант получил, можешь продолжать исследование, не получил — уходи из науки.

Гранты, конечно, нужны, но как некоторое дополнение к основной зарплате. В этом прав Роберт Искандерович.

Если мы превратим науку в спор «хозяйствующих субъектов», сделаем с ней то, что сейчас происходит с искусством, которое превращается в шоу-бизнес.

Однажды французский Президент Миттеран сказал, что он «сторонник рыночной экономики, но не сторонник рыночного общества».

Не все процессы в обществе можно перевести в категории рынка.

Другой вопрос — это оценка результатов научной деятельности.

Вопрос непростой.

Конечно, важны разные индексы, количество публикаций, где выпускается в свет научный текст и т.д.

Но это тоже непростая вещь.

Если попробовать оценить тех людей, которые были классиками науки с точки зрения современных индексов, ничего не получится.

Классики не соответствовали бы этим индексам.

Конечно, какой-то способ оценки научных результатов нужен.

Лучший такой метод — экспертная оценка. Об этом Роберт Искандерович говорил.

Наука весьма специфическая сфера деятельности.

Не так давно один наш высший чиновник, который тоже занимался наукой и образованием, сказал,

чем должны заниматься школы и вузы: «Мы должны воспитывать образованных потребителей».

Если идти по этому пути, тогда и образование свяжут с экономической конкуренцией, и науку свяжут с такой же конкуренцией.

И мы придем к тому, что не будет ни того, ни другого.

Тосунян Г.А.:

Владислав Александрович, абсолютно с Вами согласен. Но понятия конкуренции в бизнесе, в науке имеют немножечко разные оттенки.

В любви тоже люди конкурируют.

Молодые люди конкурируют, чтобы быть или выглядеть лучше в глазах возлюбленных.

И это тоже определенная форма конкуренции.

Лекторский В.А.: Но не конкурируют влюбленные между собой.

Состязательность есть в жизни.

Она, конечно, есть и в науке.

Но это не то же самое, что экономическая конкуренция.

В рыночной экономике конкурент если не уничтожается, то подавляется.

В науке состязание разных школ и подходов ведёт к добыванию истины, в которой заинтересованы все участники научной деятельности.

Споры и дискуссии в науке — это вовсе не выяснение отношений между «хозяйствующими субъектами».

У нас нередко всё в жизни превращается в бизнес — отношения.

Для науки и культуры – это губительно.

М.В. УГРЮМОВ

академик РАН, д.б.н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Когда я слушаю дискуссию, невольно вспоминаю «Багровый остров» Булгакова и изданные лекции Павлова «Об уме вообще и о русском уме в частности» (1918 г.).

Надеюсь, вы с ними знакомы.

И там и там красной чертой проводится мысль о том, что Россия – страна парадоксов. Это подтверждается и по ходу нашей дискуссии.

Так, Павел Алексеевич Медведев утверждает, что в России науку вообще не нужно финансировать потому, что все равно разворуют.

Это первый парадокс.

Второй парадокс заключается в утверждении С.В. Максимова о том, что заплатив определенную и далеко не маленькую сумму денег, каждый может опубликовать статью в Nature.

Поражает, до какой степени нужно быть неинформированным в науке человеком, чтобы не понимать, что даже из тех ученых первого эшелона, кто готов заплатить несколько сотен тысяч, дай Бог 2% статей будет принято в этот журнал, поскольку статьи подвергаются жесточайшему рецензированию.

Мы также извращенно понимаем характер конкуренции в науке. Гарегин Ашотович правильно сказал, что конкуренция в науке имеет некую специфику, она совсем другая, чем в бизнесе.

Действительно, конкуренция в науке не направлена на разорение конкурента как в бизнесе, она направлена на вооружение конкурента новыми знани-

ями, способствующими повышению его научного потенциала.

Не менее парадоксальна и обсуждаемая нами идея «дорожной карты» самоизоляции от якобы токсичного для нас окружающего мира.

Приведенные выше примеры заставляют поверить в парадоксальность нашего мышления, о котором говорил в своих лекциях более 100 лет назад великий И.П. Павлов:

«...Я обращаюсь к примерам.

Возьмите вы наших славянофилов.

Что в то время Россия сделала для культуры?

Какие образцы она показала миру?

А ведь люди верили, что Россия протрет глаза гнилому Западу.

Откуда эта гордость и уверенность?

И вы думаете, что жизнь изменила наши взгляды?

Нисколько!

Разве мы теперь не читаем чуть ли не каждый день, что мы авангард человечества!

И не свидетельствует ли это, до какой степени мы не знаем действительности, до какой степени мы живем фантастически!...».

В процессе дискуссии большое внимание было уделено критериям оценки качества научного продукта в виде статей и корреляции с рейтингом журналов, в котором они публикуются.

Очевидно, в открытом рынке существует прямая корреляция между качеством научного продукта, импакт-фактором журнала, в котором опубликованы соответствующие материалы, жесткостью рецензирова-

ния статей, а также скоростью и масштабностью распространения опубликованных материалов.

С этой точки зрения российские журналы не могут претендовать на высокий рейтинг, прежде всего потому, что не выполняется задача доведения информации о новых знаниях и технологиях до широкой мировой аудитории.

Кто в мире будет читать по-русски с учетом обилия российских журналов и довольно низкого уровня научного продукта?

Вот в шестидесятые годы, когда мы доминировали в космосе, в атомной промышленности и в медицине в Америке одним из самых популярных изучаемых зарубежных языков был русский.

Даже в бывших странах народной демократии Восточной Европы до распада Советского Союза статьи в ряде научных журналов публиковали на английском языке.

В 90-ые годы при переходе от социалистической системы, как позднее оказалось, к псевдокапиталистической, в России были предприняты попытки издавать международные научные журналы на английском языке.

Очевидно, из чувства солидарности некоторые известные западноевропейские издательства изъявили готовность финансировать российские международные издания, но при условии, что они будут контролировать рецензирование статей.

К сожалению, через некоторое время эти издательства отказались от сотрудничества из-за неадекватного рецензирования, проводимого журналами.

Продолжая издавать в России десятки журналов на русском языке, нужно понимать бесперспективность этого занятия.

Сейчас ни один журнал ни в одной стране не может претендовать на высокий рейтинг, если он не публикуется на английском языке.

Я помню, что для де Голля – выдающегося политика прошлого века и большого патриота Франции, было личной трагедией узнать, что доклады французской Академии наук стали издавать не только на французском, но и на английском языках.

Однако даже он не мог противиться этой общемировой тенденции.

Возвращаясь к критике в «дорожной карте» того, что многие международные научные издания становятся платными, считаю необходимым пояснить.

Эта плата берется не за саму публикацию, а за те новые дорогостоящие современные технологии, которые используются для быстрого продвижения научного продукта в виде статей на рынок.

Если раньше с момента представления статьи до ее публикации в среднем проходило 6-12 месяцев, то сейчас этот цикл не превышает двух месяцев, что является важным инструментом ускорения научно-технической революции.

Хочу еще раз вернуться к определению рыночных критериев качества и количества научного продукта в рынке.

Так, импакт-фактор журнала является показателем качества научного продукта, а цитируемость – его востребованности.

Цитируемость статьи как источника новых знаний является аналогом покупки любого материального рыночного продукта.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в «дорожной карте» предлагается полностью изменить сложившуюся в мире в течение многих лет систему оценки научных достижений.

Если это действительно произойдет, Россия на многие годы выпадет из мирового открытого научного пространства, что неизбежно приведет к подрыву национальной безопасности в широком смысле этого слова.

Р.С. ГРИНБЕРГ

член-корреспондент РАН, д.э.н., научный руководитель
Института экономики РАН

Я должен сказать, что мы переживаем очень трудное время, и поэтому простых решений не видно.

Я хочу вернуться к тому, о чем говорил академик Лекторский.

Меня тоже как-то смутило название нашей встречи сегодня — конкуренция в науке.

Это все-таки странная вещь, потому что есть фундаментальная наука, и какая там может быть конкуренция?

Ясно, что речь идет просто о том, что люди хотят понять, что происходит в мире.

И получается у них или нет, мы потом можем, конечно, выяснить.

Но я отмечу очень интересную, серьезную дискуссию между академиком Нигматулиным и Павлом Медведевым.

С одной стороны, Роберт Искандерович правильно констатирует тот факт, что **российское государство не очень-то любит науку.**

Оно вообще не любит то, что не приносит деньги. И я думаю, что это очень важный момент.

Если есть люди и организации, которые не зарабатывают деньги, они в принципе не должны существовать.

Этот тезис самый жизненно важный для нас последние 30 лет, я хочу подчеркнуть это.

И вся наша проблема связана с этим.

Вот у Гете есть такие слова интересные, я все время их вспоминаю. Мы вольны в выборе первого шага, но всегда рабы второго. И вот это мы не можем пережить.

Россия — удивительная страна. У нас в одном флаконе мания величия и комплекс неполноценности.

И как с этим быть, я не знаю.

Сегодня у нас мания величия больше, чем комплекс неполноценности, но он остается тоже.

Это связано с оценкой научных исследований в России, которые должны оценивать американцы.

Но, с другой стороны, самоизоляция — это вообще просто мрак и тупик.

Поэтому проблема здесь в том, что нет какой-то правильно идеологии.

То, о чем Миркин говорил, вроде легко. Давайте найдем золотую середину. Но на самом деле, конечно, это очень сложная история.

Я думаю одно, что реформа 2013 года, она абсолютно катастрофическая.

Я даже написал в «Московском комсомольце», призывал Владимира Путина этого не делать.

Я согласен с ним, что распад Советского Союза — это главная катастрофа 20 века для нас, и здесь он не виноват, это другие ребята позаботились на этот счет.

Реформа, которая происходила и происходит сегодня, является настоящей интеллектуальной катастрофой.

В общем-то, я думаю, что Российская академия наук практически исчезла.

А идея была именно такая, о которой я уже сказал.

Если есть большие какие-то структуры, которые не приносят денег, сами не могут зарабатывать, они особенно и не нужны.

И это самая большая проблема страны, которая не может быть решена в рамках теперешней политической системы.

Мне кажется, сегодняшняя дискуссия очень интересна. И она показывает, что многие участники просто не поняли доклада Сергея Васильевича и, наверное, даже не ознакомились с представленными у вас на сайте материалами.

Речь идет не о стимулировании закрытости российской науки.

Речь — об использовании правильных инструментов оценки эффективности научной деятельности ученых, оценки качества научных результатов.

В мировой и отечественной теории и практике существуют различные подходы к оценке эффективности научных организаций, выполнения исследований и разработок, а также их результатов.

Инструменты такой оценки используются в целях планирования эффективных государственных и частных инвестиций в развитие научной сферы национальной экономики, оценки состояния научного потенциала страны и формирования и стимулирования приоритетных направлений его развития.

Оценка результативности проведения научных исследований и качества научных результатов должна учитывать целый комплекс различных факторов, влияющих на цели и процесс научного труда.

В основу оценки закладываются как количественные, так и качественные критерии значимости научных результатов для целей развития общества, экономики и собственно науки.

При всем различии подходов и методов оценки эффективности научных исследований в ряде стран

мира можно выделить общую особенность: эта субъективная во многом категория является комплексной и не поддается формальному измерению.

Именно поэтому очень важно использовать для такой оценки правильные инструменты.

Роберт Искандерович сказал, что вопросы конкуренции сейчас должны отойти на второй план в науке, и в первую очередь, надо решать массу текущих задач.

В том числе вопрос о недостаточном финансировании науки и так далее.

Мы говорим, как сказал Роберт Искандерович, о правильном направлении финансовых потоков нужным людям, которые действительно дадут реальные результаты, от которых будет зависеть страна, ее развитие и экономический рост.

В этом случае надо говорить, в первую очередь, о выборе правильных инструментов оценки научных результатов, необходимых для планирования эффективных государственных и частных инвестиций в развитие сферы национальной экономики.

Мы вообще даже не рассматривали вопрос, что есть конкуренция научных идей.

И это конкуренция скорее за финансирование реализации этих научных идей повышения статуса ученого.

Это тоже один из важнейших вопросов.

Что же получается у нас?

О чем мы говорим?

У нас уклон идет на оценку с использованием, в основном, библиометрических показателей.

Несомненно, это важный показатель и это правильно.

Сергей Васильевич говорил о том, что формализация критериев оценки и ориентация только на наукометрические показатели в зарубежных реферативных системах представляет реальную опасность для развития отечественной науки.

В России приоритет по-прежнему отдается оценке на основе числа публикаций в зарубежных журналах, пусть качественных, но отдающих приоритет и размещающих у себя статьи только по проблемам, актуальным для западных стран.

Необходимо развивать собственные реферативные системы и собственные научные журналы, использовать показатели качественной оценки научных результатов, а их, как показывает мировая практика, много.

Это и опросы, и логические модели (case studies) — исследования конкретной тематики, экономический анализ, экспертная оценка другими учеными (peer review) — оценка результатов исследований равных равными, интеллектуальный анализ данных, посещение мест проведения исследований с целью оценки, анализ документации.

И, как известно, во многих странах главным инструментом является оценка научных результатов, ориентированная на количественные показатели библиометрик.

Несомненно, библиометрические инструменты наиболее просты в использовании регулирующими органами в сфере науки.

С их помощью можно измерять уровень публикационной активности, передачи знаний (цитирование исполь-

зуется как средство для коммуникаций), связи между учеными и научными дисциплинами.

Анализ цитирований показывает признание результатов.

Но в ряде стран они сегодня заменяются или уже заменены на системы, в которых библиометрика играет второстепенную роль.

Тут затронули вопросы о Китае.

И даже Китай, который делал ранее значительный акцент на библиометрические характеристики результатов научной работы, в настоящее время планирует существенно изменить такую практику, поскольку это приводит к игнорированию решений внутренних проблем страны.

И эти отдельные правила вводятся уже с этого года для оценки фундаментальных и прикладных исследований, для оценки их результатов.

Главными критериями становятся оригинальность и научная значимость работ, а не количество статей и импакт-фактор в журналах.

А уже во-вторых, использование полученных результатов в экономике и обществе.

И, что очень интересно, более трети результатов, которые китайские ученые получают, должны быть опубликованы в китайских научных журналах.

Поэтому речь идет о том, чтобы создать собственную систему оценки, многокритериальную, которая должна учитывать не только библиометрику, но и другие показатели качественной оценки научных результатов.

И развивать научные журналы, отечественные, прежде всего.

Безусловно, нужно развивать собственную систему оценки качества.

Но эффективность, а точнее сказать, полезность не всегда определяется только спросом.

К примеру, можно производить товар, который будет пользоваться спросом, но полезность его будет сомнительная. Например, спиртное и табак пользуются огромным спросом, но польза от них маловероятна.

А есть полезные продукты, которые не пользуются спросом, потому что «законодателей моды» не замотивировали на их «раскрутку».

Фундаментальные исследования требуют серьезные инвестиции и имеют долгий цикл самоокупаемости.

Вспомним пример высокотемпературной сверхпроводимости, которая была в свое время открыта в СССР, на которую было потрачено немало денег.

Но результатами ее воспользовалась в полной мере, отнюдь, не советская промышленность, а производители японской радиоэлектроники, ставшие крупнейшими производителями бытовых приборов.

Фундаментальные исследования могут поначалу быть не столь востребованы так, как некоторые прикладные научные работы, дающие быструю отдачу.

Но в каждом сегменте научной деятельности надо использовать критерии и количественные, и качественные, и отложенные, и сегодняшние.

А.И. АВЕТИСЯН

академик РАН, д.физ-мат.н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова

В зависимости от того, с какой стороны смотреть, сказанное можно принимать, но при этом – и оппонировать.

Например, Роберт Искандерович сказал про финансирование, и очевидно, что всем надо увеличивать финансирование.

С другой стороны, Павел Алексеевич также сказал разумную вещь: если деньги пойдут не в те руки, какой тогда смысл?

Мне кажется, мы сейчас ушли в детали, хорош ли Web of Science. Нами не была сформулирована мысль, а для чего мы всё это хотим сделать?

Какие вызовы перед нами стоят с точки зрения международной науки?

Закраться в науке, открыться в науке – для меня как для айтишника очевидно: сложность современной науки такова, что даже американцы (я с этим выступаю уже около 10 лет) одни не справляются и не могут охватить весь широкий фронт работ.

И только международная кооперация с использованием, в частности, свободного программного обеспечения, позволяет решить эту задачу.

Более 20 лет назад было сформулировано, что это единственный путь обеспечения устойчивого долгосрочного конкурентоспособного развития.

Сейчас мы уже видим плоды этого феномена: все системы вокруг нас тем или иным образом – на базе СПО.

И это касается не только ИТ, а всех отраслей в целом.

Достаточно взять физику: проекты по ускорителям частиц в ЦЕРНе, международные проекты в Дубне и так далее.

И поэтому – только международная кооперация. И, конечно, открытость – насколько это возможно.

Но означает ли это, что мы, сломя голову, должны взять какую-то модель, которая на самом деле не существует?

Это как демократия.

Она не существует вообще.

Она бывает американская, французская, английская, то есть учитывающая опыт страны, культуры.

Я абсолютно согласен с выражением, что культура «съедает на завтрак» стратегию.

И если вы не понимаете культуру своего общества, своей страны, своей академии и так далее, любая ваша стратегия будет уничтожена, и попросту не будет работать.

Мне кажется, мы как Академия наук должны сформулировать не то, нужно ли публиковаться в Q1, Q2, а какую модель должны предложить в целом, как мы видим позитивное развитие.

То есть предложить позитивную программу.

Иначе, наше обсуждение строится от отрицательно-го: делать этого не надо, потому что это плохо. Кто-то другой приходит: надоело, делать надо.

Более того, мнение академического сообщества уже слышали.

Во всех последних конкурсах библиометрия не является определяющим критерием.

Да, на нее все еще приходится львиная доля, но она уже существенно сокращена и не является 100% доминантой.

Есть и другие параметры: в частности, объем финансирования.

Всегда можно придумать что-то, чтобы убрать эту болезненную тему, которую мы обсуждаем.

Но даже если убрать – что изменится? Ничего.

Поэтому нам нужны не решения каких-то частных проблем, а позитивная программа: как обеспечить технологическую независимость страны?

Потому что на самом деле, на этом историческом этапе перед Академией и перед нами, академическим сообществом, стоит глобальный вызов.

Как, с одной стороны, не потерять, не разорвать все отношения с международным сообществом, не стать как бы Северной Кореей?

А с другой – ответить на этот технологический вызов, связанный с обеспечением своей страны технологической независимостью, при этом оставаясь на мировом уровне.

И мне кажется, здесь у каждого есть свой опыт и успешно работающие модели.

Мы, например, в своей области реализуем свой опыт и модели. И успешно развиваемся.

Мне кажется, про это нужно говорить, и тогда Академия наук не умрет, а спокойно будет трансформироваться и дальше реализовывать свои экспертные задачи.

И тогда к нам на экспертизу будут приносить просто потому, что кроме нас не к кому больше будет носить.

Поэтому мне кажется, здесь мы немного не о том спорим.

Не стоит забывать, что в отдельных отраслях науки, естественно, должны быть чуть-чуть разные подходы.

У гуманитариев свои, у чистых математиков – свои, у айтишников – немножко другие.

Очень важно учитывать, в том числе, культуру отдельной области науки.

Если взять, например, современные технологии с точки зрения данных как основы развития искусственного интеллекта, ни о какой интеграции в смысле передачи наших данных мировому сообществу речи идти не может.

Мы должны интегрироваться на уровне науки, но не сможем отдавать туда свои данные, например, медицинские.

Но если мы будем работать с этими данными у себя «в углу» и делать какие-то замороженные технологии, не контактируя с мировым сообществом, ничего не получится.

И я еще раз говорю, американцы с этим не справляются, потому что слишком большая сложность того, с чем мы имеем дело.

Вызов технологический – он реально глобальный.

Именно поэтому китайцы не могут себе позволить закрыться, несмотря ни на что, хотя всем известно, что они сейчас первые в мире по сбору данных.

Но при этом они никак не становятся лидерами в мировом масштабе.

И здесь, мне кажется, наша историческая миссия – возглавить открытую часть мира, потому что наши партнеры сейчас постепенно начинают закрываться.

Нам важно делать открытые публикации, создавать открытые проекты, участвовать в них.

Чтобы наша молодежь хотела оставаться у себя дома и работать.

Считаю, что успех советской науки может быть повторён.

Еще одна мысль – про региональную науку.

Это, прежде всего, люди.

И в Москве, и в регионах, когда мы пытаемся внедрять технологии, главная проблема в том, что нет людей, которые понимают эти технологии, могут их реализовать.

Значит, если в регионах появятся люди, которые умеют работать на мировом уровне и смогут интегрироваться в некоторые сообщества хотя бы внутри страны, они смогут реализовывать сложные проекты.

В противном случае они будут внедрять технологии 19 века, что вредно для всех нас.

Я бы хотел, чтобы мы сдвинули наше обсуждение в эту сторону, иначе мы уходим в детали, которые в любой момент снова могут быть изменены и выяснится, что мы воевали с ветряными мельницами.

А нам нужно не воевать, а предложить позитивную программу.

В.В. ЛАЗАРЕВ

д.ю.н., главный научный сотрудник Центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

Многие годы занимаюсь проблемой пределов правового регулирования. И с этой точки зрения сразу выражу свою позицию о необходимости все-таки различать сферу науки, сферу организации науки и сферу внедрения научных результатов.

Академик Лекторский в этой части меня опередил. Он хорошо и правильно сказал, что это особая сфера и смущает сама постановка вопроса о конкуренции в науке.

Во-первых, если говорить о конкуренции и «дорожных картах» в части организации научных исследований, в части контроля, может быть, в части внедрения, в особенности, по отношению к общественным наукам, о соответствующих патентах — кто из общественников имеет эти патенты?

А они могут быть и должны быть. Это большое и великое дело.

Во-вторых, мне очень импонирует выступление Роберта Искандеровича, поскольку он выходит на общие проблемы.

Все-таки наука это одна из сфер.

Нельзя решить проблемы организации в сфере науки, отвлекаясь от общих проблем социальной сферы, общественной, политической и правовой систем.

Такой общий подход необходим обязательно.

Я, например, не вижу разницы, и мог бы проследить ту проблему, о которой мы рассуждаем и которую замечательно поставил Сергей Васильевич:

Почему, в силу каких обстоятельств, кому выгодно и зачем вывозят хороший лес из России?

Почему его обрабатывают за рубежом?

Кто к этому причастен, чьи интересы удовлетворяются, где и какие «откаты» имеют место быть?

И в этом плане, исходя из общих закономерностей развития нашего общества, можно посмотреть на сферу организации нашей науки.

Мне кажется, в этом плане у Роберта Искандеровича очень хороший и правильный подход, который, исходя из общих закономерностей и позиций, пытается взглянуть на обсуждаемую нами тему.

И, наконец, **в-третьих**, о чем хотелось сказать.

Совершенно правильно здесь говорили, что эту проблему надо научно и доктринально обсуждать на очень масштабном форуме, например, на общем собрании Академии наук.

Обсуждать очень широко и очень серьезно.

Но, я бы подчеркнул другое.

В этом Сергей Васильевич, Вы тоже видите достоинство. Там, и правда, много достоинств.

При всей спорности отдельных моментов «дорожной карты», я бы отметил, что упор делается на законодательство.

И обсуждение всей совокупности конкретных вопросов по теме конкурентоспособности, надо смотреть применительно к каждой позиции, которая уже нашла отражение в законодательстве.

На мой взгляд, наука в целом, закон о науке и все акты, на которые в том числе ссылается и Сергей Васильевич, подлежат очень строгой оценке.

Философско-гуманитарной оценке, используя термин, который прозвучал у академика Лекторского на институтском форуме.

А может быть и политической, и идеологической, и любой другой.

Оценке должны быть подвержены все инициативы на уровне законопроекта, которые предлагаются в части оптимизации деятельности по организации науки в Российской Федерации.

С.В. МАКСИМОВ

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки РАН и Института экономики РАН, советник руководителя Федеральной антимонопольной службы

Прежде всего, хотел бы поблагодарить коллег за внимание к этой теме. Действительно, точность постановки проблемы — это ключевой вопрос.

Я не ожидал, что документ под названием «Теоретическая модель дорожной карты развития конкуренции в сфере науки» будет обсуждаться исключительно в том ключе, о котором говорили Валерий Васильевич Лазарев и Владимир Петрович Заварухин, а не с точки зрения задач антимонопольного регулирования.

Разработку «дорожной карты» Правительство поручило Министерству науки и высшего образования, Федеральной антимонопольной службе, Министерству просвещения и Академии наук, которая должна согласовывать этот проект перед внесением в Правительство.

Это «дорожная карта» по развитию конкуренции между хозяйствующими субъектами, а не конкуренции в науке вообще.

Конкуренция идет не между учеными в мире, а между хозяйствующими субъектами в Российской Федерации.

К ним относятся не только научные институты, вузы, занимающиеся наукой, другие научные организации, а также самозанятые ученые, индивидуальные предприниматели, которые занимаются наукой, а также отдельно взятые ученые, которые по закону имеют право участвовать в публичных закупках научно-исследовательских работ.

По факту же этого сделать они не могут из-за десятка барьеров, которые существуют в законодательстве и на более низком правовом уровне.

Существует типовой госконтракт на закупку НИОКТР, утверждённый Минобрнауки, который используется всеми органами государственной власти, распределяющими миллиарды рублей на закупки.

Но вы, как отдельно взятые ученые, и я в том числе, и любой научный коллектив, не являющийся юридическим лицом, не можете его подписать.

Этот контракт не допускает даже возможности подписания его физическим лицом как непосредственным участником закупки.

В этом контракте есть лишь представитель организации – исполнитель.

Предлагаемая «дорожная карта», в частности, направлена на решение этой проблемы.

Её решение создаст крупный дополнительный источник финансирования науки за счет оптимизации расходов на закупки НИОКТР.

Полностью поддерживаю коллегу Миркина, который обратил внимание на то, что вообще-то предлагаемый инструмент совершенствования организации науки, это не инструмент закрытия от Запада.

Вообще в этой теоретической модели нет ни одного слова о закрытии для российских ученых Запада (в самом широком его понимании).

Эта «дорожная карта» направлена на то, чтобы перестать считать критерием истины для российской

науки и российского государства оценку, которая дается нашим научным работам преимущественно в западных журналах зарубежными экспертами.

Зарубежная экспертиза очень полезный инструмент.

Однако, созданная в нашей стране система принуждения к опубликованию своих научных работ за рубежом (по-другому ее не назовешь), уже привела к тому, **что во многих вузах вас не переназначат на должность профессора или доцента, если у вас нет публикаций в Web of Science или Scopus.**

Эта практика не гарантирует высокое качество научного результата и научный уровень исследователя. Это система принуждения.

«Дорожная карта» предполагает отказ от этого ПРИНУЖДЕНИЯ к обязательному опубликованию своих исследований в высококвартильных журналах, к обязательному запикиванию в эту «трубу по перекачке» научных знаний, которая ведет на Запад все новейшие результаты научных исследований.

«Дорожная карта» именно об этом, т.е. о демополилизации мировых рынков научной деятельности и доступе к её результатам.

Глобальная монополизация уже состоялась и среди монополистов в этой сфере.

Это проблема России как участника мирового рынка результатов научной деятельности и как достойного участника этих мировых хозяйственных отношений.

Проблемы сотрудничества между учеными разных стран для выработки новых научных идей имеют к этому косвенное отношение.

На это просто надо обратить внимание.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

член-корреспондент РАН, д.филол.н., главный научный
сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги в нашем разговоре коснулись многих проблем, организационных, экономических, правовых и других.

Я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые социальные проблемы.

Приведу цифры того исследования, которое мы проводили в рамках всероссийского опроса.

На прошлом заседании Абел Гезевич Аганбегян упоминал, что **социологи получили такую цифру доверия к науке, которая превышает уровень доверия многих и государственных органов, и многих других социальных институтов, занимая второе, иногда третье место среди всех институтов.**

Но есть вторая цифра.

Когда мы опрашиваем молодежь о будущей перспективе, **лишь единицы у нас соглашаются выбрать научную деятельность как свою будущую профессию.**

Как объяснить подобную ситуацию?

Люди, которые в большинстве своем доверяют науке и верят в нее.

А желающих быть научными деятелями, нет.

Я думаю, что **в первом случае** это было доверие вообще к науке, понимание ее роли и значения.

Во втором случае – реальность, в которой находится наша наука и возможность ее в себе проявить.

Я это вижу даже по нашему университету.

В отличие от того времени, когда я оканчивал университет, сейчас сильные студенты сферу науки выбирают за редчайшим исключением.

Идут в бизнес, в другие структуры, но наука не является для них приоритетной.

Опрос самих ученых, который мы недавно провели, тоже выявил такой факт.

Если в промышленности и строительстве первойшей проблемой люди называли оплату труда, среди ученых оплата труда вышла не на первое место, а на третье, четвертое.

На первое место вышла организация труда, условия труда, возможности, перспективы в своей работе.

И это, в общем-то, вполне оправдано и вполне естественно, потому что одновременно нам сказали о бюрократизации, о том, что приходится заполнять многочисленные документы.

Я даже напому такую реплику нашего времени.

Иногда организация научной деятельности в наших работах выявляет не сущность того, что сделано, а как именно это сделано и оформлено.

Я хотел бы пояснить, что в характеристике своей научной деятельности говорили о неопределенности, нестабильности своего положения и неясности перспективы своей работы.

В заключение хочу сказать следующее.

Посмотрите реформы, о которых упоминали Михаил Вениаминович и Роберт Искандерович.

С учеными не советовались, как решить накопившиеся проблемы?

Каким образом ломать и корёжить то, что у нас накопилось?

Как бывший заводской социолог могу сказать, что в свое время мне понравилось высказывание директора одного из крупнейших, эффективно работающих заводов.

Когда на вопрос о том, почему он считает, что все проблемы развития предприятия должны обязательно обсуждаться во всех цехах и бригадах, он пояснил так.

«Я не могу сделать людей счастливыми, решая за них и без них, что им нужно».

А вот в науке, получается, решают за нас, без нас и не советуясь с нами.

Момент, который связан с реконструкцией, реорганизацией, обязательно должен учесть и социальные параметры жизни ученых.

Что особенно меня тревожит: кто сменит нас на следующем этапе развития нашего общества?

П.А. МЕДВЕДЕВ

д.э.н., финансовый омбудсмен Ассоциации российских банков

Я очень смущен критикой, которая была высказана в адрес моей позиции по увеличению финансирования науки, поэтому хочу исправить.

Бравый солдат Швейк, бывало, говаривал, что война — это замечательная вещь, потому что на войне наряду с огромным количеством хороших людей погибает некоторое количество мерзавцев.

Я считаю, что увеличение финансирования науки при сложившейся организации этой самой науки было бы очень хорошим делом.

Небольшие суммы случайным образом, не оприходованные диссернетовскими ректорами и директорами, мелкими брызгами могли бы долететь до настоящих мастеров науки, многих из которых мы видим сегодня.

Н.Н. ЦЫКОРИН

старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт
промышленной собственности» Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Уважаемые коллеги, большое спасибо за очень актуальную тему. Мы не касались её с апреля 2021 года. Постараюсь быть кратким.

Как здесь уже неоднократно прозвучало, у нас действительно должно быть разделение между фундаментальной наукой и прикладной, потому что каждое из этих направлений своей конечной целью являет определенные результаты.

Если фундаментальная наука открывает новые направления и пласты научной деятельности, то прикладная наука, конечно, должна быть полезной с экономической точки зрения именно для нашей страны, а не только для всего мирового сообщества.

Нет никакой речи о том, чтобы закрываться от остальной части мира.

Безусловно, здесь важны коммуникация, сотрудничество и синергетический эффект.

Касаемо прикладной науки в нашей стране нам известно, что **на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки от ВВП идет, действительно, очень маленький процент.**

На моей памяти это 1,02%-1,03%, и в этом отношении с остальными развитыми государствами у нас разрыв на порядок выше.

При этом порядка 66-68% всех затрат на НИОКР финансируется из федерального бюджета⁹.

⁹ Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. НИУ ВШЭ, 2021. — 352 с

Помимо предоставления правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации мы — как патентное ведомство — ежегодно принимаем участие в проведении инвентаризации на уровне государственных корпораций, которые в том числе занимаются НИОКР, и в выявлении охраноспособных и патентоспособных результатов интеллектуальной деятельности (РИД).

Еще РИД называют результатами научно-технической деятельности. Это абсолютно синонимичные понятия.

На уровне 2016 и 2017 годов, поскольку в нашей организации незначительный штат сотрудников, способных выходить и принимать участие в инвентаризации, мы проверили различные государственные корпорации с общей суммой контрактов не менее чем на 1 триллион 300-400 миллиардов рублей¹⁰.

Это очень серьезная сумма!

Что в конечном итоге мы увидели в государственных корпорациях, где финансирование напрямую идет из федерального бюджета?

В военном секторе эффективность вложений составила 0,5%¹¹.

10 Годовой отчет Роспатента за 2017 год. Подробнее: <https://rospatent.gov.ru/ru/pdfdocuments/2#book/36>

11 Результативность НИОКТР, выполненных за счет бюджетных средств, по результатам проверок в 2017 году государственных контрактов с объемом бюджетного финансирования в 1,28 трлн руб. составила по стоимости прав на РИД, поставленных на бухгалтерский учет в качестве нематериальных активов, 0,6% от суммы затрат на НИОКТР, в рамках которых эти результаты были получены. Годовой отчет Роспатента за 2017 год.

А в гражданском секторе и того меньше – 0,45%.

Это не 45%, а 45 сотых!

И о каком инвестировании и повышении вложений в науку мы можем говорить, когда эффективность настолько низкая?

Мы же расходуем средства налогоплательщиков, в том числе, и ваши, и мои.

А что получаем в виде возврата в экономику, в плане повышения роста благосостояния?

Как говорил Михаил Михайлович Жванецкий «в консерватории» нужно что-то поменять.

Значит, нужно ввести какие-то другие критерии.

И, безусловно, нужно на практике повышать экономическую эффективность и отдачу от затрат на НИОКР.

При этом, когда мы выходили на проверки по результатам проведенных научно-исследовательских работ, мы видели огромный пласт тех результатов интеллектуальной деятельности, который просто лежит.

На него не оформлена никакая правовая охрана.

Для государственных корпораций возникает резонный вопрос: «Что мы сидим и кого ждем?

Пока кто-то придет, заберет и будет применять все то же, на что были потрачены государственные деньги, где-то в другом месте?»

Ведь, помимо авторского права, то есть права конкретного изобретателя или рационализатора, который сгенерировал идею, существует еще и право распоряжения и использования результатов интеллектуальной деятельности.

Это не равноценные понятия.

Сейчас научное сообщество старается публиковать научные разработки и благодаря открытости мира в них раскрывается сущность научных мыслей и научных достижений.

А кто подумал о том, что Вы как автор забываете закрепить за собой, оформить право использования на ту мысль, на ту потенциальную разработку, которую вы раскрыли всему миру?

И у нас получается платоническая любовь, то есть «любит Платон, а живет Харитон».

Всемирная организация интеллектуальной собственности уже сама подтверждает, что до научной публикации и раскрытия сущности ваших разработок сначала необходимо осуществить процедуру правовой охраны, получить приоритет и только потом публиковаться на территории Российской Федерации, и на территории других государств.

По крайней мере, ваше право не только как автора, но и как субъекта, который имеет право распоряжаться исключительным правом на РИД, получать вознаграждение не только в пределах страны, но и в пределах всего мира, уже будет зафиксировано.

И до настоящего момента в течение всей дискуссии никто не сказал, что необходимо всячески поддерживать и пытаться хотя бы приблизиться к советской системе вознаграждения автора как изобретателя, как рационализатора.

Только в прошлом году появилось постановление Российской Федерации №1848 от 16 ноября 2020 года, где впервые с советских времен указаны те проценты, на которые автор РИД имеет право рассчитывать от своего работодателя в качестве вознаграждения за созданные служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы.

Но мы еще не коснулись темы соавторства. Это отдельный вопрос, который в следующем году мы надеемся решить сообща со всем научным сообществом, федеральными органами исполнительной власти.

Коллеги, я думаю, у нас не просто семинар, когда мы обсуждаем очень важную проблему.

Сегодня у нас есть возможность как-то скоординировать нашу позицию с Роспатентом.

И мне не хотелось бы упускать этот шанс найти некоторые точки соприкосновения, которые помогли бы и Академии наук отстаивать свою позицию, и Роспатенту.

Хотя критика сегодня со стороны Михаила Вениаминовича и других выступавших была очень справедливой, но, думаю, что есть точки соприкосновения, которые нам нужно было бы педалировать.

Одна из точек соприкосновения – это необходимость экспертных оценок в дополнение к оценкам по наукометрическим показателям.

И об этом Академия говорит достаточно давно.

Но я думаю, что нам нужно было бы подчеркнуть еще одну важную вещь.

Оценка по базам научных статей и цитированию, например, Web of Science, Scopus и так далее, это уже несколько устаревающая история, в том числе на Западе.

Понятно, что WOS, Scopus – это системы, которые были созданы издателями, издательскими корпорациями.

Соответственно эти издательские корпорации с этого получают, в том числе, достаточно большую прибыль.

Но сейчас есть и не могут не развиваться более продвинутые способы оценки достижений науки.

Сегодня уже существуют исследования и разработки, и некоторые первичные технологии автоматического анализа творческих произведений.

Например, разработаны способы автоматического анализа степени креативности, творческой музыки-

кальных произведений, анализа влияния одних композиторов на других и т.д.

В этом плане открываются реальные возможности создания аналогичных систем анализа научных текстов.

Соответственно, думаю, что впереди у нас грядет период существенного изменения наукометрических показателей и оценок.

Это серьезная научная проблема.

Кто первый эту проблему разработает, тот и будет завтра лидером в наукометрических оценках.

Если мы сможем сегодня хотя бы в каких-то пределах создать работающие технологии автоматической оценки эффективности научной продукции, то мы будем завтра лидерами на этом рынке, у нас не будет проблемы, что нас оценивают за рубежом.

Надо быть просто лидерами в технологиях наукометрических оценок, а для этого необходимо смотреть чуть-чуть вперед.

И последнее, чего бы я хотел коснуться.

Действительно, животрепещущая вещь, которую Роберт Искандерович затронул здесь первый, – насчет финансирования науки.

Но я согласен с Павлом Алексеевичем.

Я думаю, если бы, например, Президенту страны голос с неба сказал: если ты сможешь дать финансирование на науку вдвое больше, чем сейчас, то наука станет лучше, – я практически уверен, что Президент бы такое финансирование нашел.

Проблема не в этом. Он не верит в то, что вложение этих денег что-то даст.

Ведь реально, например, наше министерство пыталось это сделать.

Оно пыталось, в частности, говорить МИАНу: давайте, пишите вдвое больше статей, мы вам будем вдвое больше денег платить. Но их на смех за это подняли. И действительно, ученые не так работают, нельзя с ними сторговаться – вам больше денег, а вы больше статей.

Проблема в том, что деньги готовы платить, но непонятно, как это сделать, чтобы достижения науки выросли.

И мы прекрасно понимаем, что деньги вкладываются, но они часто уходят в песок.

Вот в чем проблема, проблема в управлении наукой. И если бы она была решена, тогда деньги бы находились, были бы.

И в заключение хочу призвать, что сегодня, думаю, нам нужно было бы предпринять некоторые позитивные шаги, которые позволили продвинуться в каком-то совместном направлении с Федеральной антимонопольной службой.

И зафиксировать, скажем, позиции о важности на сегодняшнем этапе экспертных методов оценки науки, а дальше важность применения других нестандартных методов оценки, – думаю, это было бы полезным итогом сегодняшнего заседания.

С.В. МАКСИМОВ

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки РАН и Института экономики РАН, советник руководителя Федеральной антимонопольной службы

Рад, что проблематика теоретической модели развития конкуренции в сфере науки вызвала такой интерес.

В этом смысле считаю свою задачу выполненной. Если это вызывает интерес у научного сообщества, значит, и регуляторы тоже будут стараться как-то разобраться в этой проблеме.

Хотел бы сказать несколько слов по поводу очень важного тезиса, который прозвучал в качестве риторического вопроса у Николая Николаевича, представляющего Роспатент:

а кому принадлежат результаты интеллектуальной собственности по впервые обнародованным результатам научной деятельности, которыми мы гордимся как огромным достижением российской науки?

Я уже об этом говорил.

Эти результаты сегодня принадлежат преимущественно глобальному Северу.

Семьдесят шесть тысяч научных статей, опубликованных в 2020 году в журналах, индексируемых в WoS, принадлежат зарубежным журналам и университетам, не только американским, британским, но и китайским и так далее.

Не России, не российским организациям и ученым, которым остается только право на имя.

Это называется отчуждение исключительных прав. Юристы это прекрасно знают. Не юристы это тоже знают.

Отправив статью в высококвартильный западный журнал, вы передаете исключительные права на опубли-

кование любым способом, а нередко и на использование любым способом полученных вами результатов научной деятельности тому юридическому лицу, с которым подписывается издательский договор.

Само подписание договора может иметь конклюдентную форму – он заключается автоматически по факту представления статьи издателю и внесения платы за редакторскую обработку.

Этот журнал, в свою очередь, может принадлежать иностранному университету, иностранному научному центру, зарубежному государству, но не России, не российским организациям и не ВАК при Минобрнауки России.

Благодарю всех коллег за высказанные идеи, которые полезны для меня как советника руководителя Федеральной антимонопольной службы.

Эти идеи будут доведены не только до сведения руководства Федеральной антимонопольной службы, но и до членов Научного совета РАН по проблемам защиты и развития конкуренции, сопредседателем которого является Г.А. Тосунян.

Этому Совету, по-видимому, предстоит обсуждать уже не теоретическую модель, а проект «дорожной карты», в котором эти идеи, надеюсь, будут отражены.

Несомненно, состоявшаяся дискуссия позволит повысить качество проекта «дорожной карты» развития конкуренции в сфере науки, который Министерство науки и высшего образования, Федеральная антимонопольная службой и Министерство просвещения по согласованию с РАН обязаны внести в Правительство до 1 марта 2022 года.

Р.И. НИГМАТУЛИН

академик РАН, д.физ-мат.н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова

Коллеги, во-первых, по-моему, никто из нас не призывает к изоляции.

Это для нас сейчас самое ужасное, поэтому ни в коем случае не призываю.

Обращаю внимание, что даже в изоляции при отсутствии так называемой конкуренции в советское время мы были на пьедестале.

Конечно, не во всех науках, по некоторым мы отставали и часто не по вине лидеров наук.

Кстати, решения по генетике, кибернетике принимались государственными органами, но при поддержке некоторых особо ярых ученых.

Кто-то сказал, зачем бороться за финансирование, если эти деньги достанутся жуликам?

Получается, нам надо сидеть в нищете пока не переловят жуликов.

Если говорить об увеличении финансирования, в первую очередь, это небольшие деньги.

Я как-то выступал на общем собрании и говорил: **«Давайте обратимся к Президенту с тем, что сейчас аспирант должен получать минимум 40 тысяч рублей в месяц».**

Это взрослый человек.

Для этого потребуется примерно 60 миллиардов рублей.

По приборному оснащению также ужасная ситуация. Поэтому увеличение финансирования необходимо, иначе задохнемся до того, как переловят жуликов.

Никто не говорил, что нас не любят.

Почему не любят?

Я, например, не жалуюсь, что меня не любят мои иностранные коллеги.

Наоборот, с большим уважением относятся.

И мы все дружим с иностранными коллегами.

Никто из коллег нас за границей не обижает, нас обижает наше Правительство.

В ходе дискуссии были попытки приписать оппоненту какую-то абсурдную позицию и за это его ругать.

Гарегин Ашотович, вы тоже сразу мне приписали, что я призываю к изоляции. Я об этом нигде не упоминал.

Были жалобы на продажи патентов.

Мы отродясь продаем мало патентов, и это наш серьезный недостаток.

Мы вообще ничего не продаем, кроме нефти, газа, полупродуктов: это 92 – 93% всех наших продаж.

Это болезнь всей страны, а не наших ученых.

Я занимаюсь математическим моделированием разных явлений.

При математическом моделировании мы всегда говорим о том, что нужно отбросить второстепенные вещи.

Они, возможно, тоже влияют, но не так важны, чтобы приобрести обозримые, решаемые уравнения для получения обозримых результатов.

Поэтому я считаю, что сейчас на первом месте для нашей науки важно, чтобы она была обеспечена ресурсами, в первую очередь, молодыми учеными, потому что у нас сейчас нет этого притока.

Требуется наличие аспирантов, приборной базы и так далее.

Необходимо, чтобы мы сами решали главные научные проблемы, устанавливали рейтинги, назначали директоров, давали государственные задания, распределяли ресурсы между институтами.

А не чиновники.

Пусть они контролируют финансовую дисциплину, эффективность использования имущества.

Пусть помогают организовывать и контролировать программы и т.д.

Чиновник, бухгалтер, менеджер должен помогать академику, а не направлять его.

Это сейчас самое важное.

Что касается конкуренции, то я всегда конкурировал, но конкурировал вместе со своими друзьями-коллегами.

Мы спорили у доски.

Я, будучи младшим научным сотрудником, спорил с академиком.

Но это не означало, что один победил, а второй — проиграл.

Это приводило к тому, что мне начали платить меньшую зарплату, и мои деньги передавали ему.

А сейчас у нас при нищете, когда институт не может начать никакую работу, не получив гранта, это беда.

Нам в пример всегда приводят Китай: давайте пойдем по его пути. Но Китай поднимался с нуля, а мы были на пьедестале.

В данный момент у нас еще какой-то определенный уровень, но, к сожалению, этот уровень часто в мозгах пожилых ученых.

Очень мало этого уровня в мозгах молодых.

Это самая большая беда.

И всегда, когда начинаешь разговор, каждый начинает свое.

Вот, я опубликую там, а я там. Меня избрали там-то и отправили туда.

Публикуй, но я-то здесь причем?

Не об этом же мы спорим, Артем Ромаевич.

У нас все приходят к Президенту и докладывают, как у нас в стране все хорошо.

Не об этом должны говорить.

Нужно говорить о кричащих проблемах.

А мы все время говорим, что у нас все хорошо.

Несколько слов о мифах, Артем Ромаевич,

Лысенко не был лжеученым.

Его в члены академии, членкоры академии выдвинул Николай Иванович Вавилов.

Он лучше всех нас знал уровень и возможности Лысенко.

Да, Лысенко стал ярым экстремистом, и, став руководителем, нанес колоссальный вред.

Поэтому не нужно у нас повторять такие мифы.

Что касается публикационных показателей, то даже в советское время у некоторых академиков, особенно у химиков, было по 1500 работ.

У великого Несмеянова примерно столько, потому что у него в институте был такой порядок: любую статью, которая выходила из института выпускалась в соавторстве с ним.

Еще один пример.

Петр Леонидович Капица не мог пожаловаться, что за границей его кто-то не любит.

Но он был активным русским ученым.

Он писал Сталину, и это было небезопасно, и Сталин, оказывается, эти письма все читал.

Он, в частности, жаловался, критиковал академика Баха, великого Баха, именем которого у нас назван институт в Академии наук.

Петр Леонидович говорит Баху, что приборов нет, не хватает у нас в науке.

А Бах отвечает: вы знаете, наверное, у государства нашего более важные задачи, поэтому денег не хватает.

Есть у нас деньги на развитие науки.

Нам нужно, кстати, не на порядок больше – вот, кто-то сказал, якобы, мы финансируемся на порядок меньше.

На порядок – это в 10 раз.

Нет, не в 10 раз, а в два-три раза, поэтому точно нужно говорить.

В дискуссиях я не могу спорить равнодушно и, конечно, выплескиваю эмоции, так что вы уж простите.

Ничего великого без страсти не делается.

Главная проблема сейчас – не конкуренция между учеными, хотя она нужна, без конкуренции в науке ничего не бывает.

Должна быть конкуренция идей.

Главная проблема у нас – это нищета в институтах, отсутствие действенной аспирантуры и острая нехватка современных приборов.

И второе – региональная наука.

Повторюсь, что это наука, которая делается не в Москве, не в Санкт-Петербурге, не в Новосибирске, а в наших областях и республиках.

Без нее, без региональных кадров наука тоже у нас умрет, а это фундамент нашей деятельности.

Медведев П.А.: Про Вышинского ничего не могу сказать, а про Лысенко кое-что знаю. Мой двоюродный дедушка Павел Павлович Медведев был биологом и работал в Никитском саду.

Он пытался обучить Лысенко классической генетике. Безуспешно!

**Лысенко принципиально не мог быть ученым.
Он был функционально неграмотным.**

Ему сильно не повезло. Он освоил технику чтения только в 13 лет, и с трудом понимал прочитанное.

А как, не понимая прочитанного, постигнуть какую-нибудь науку?! Проще придумать свою собственную!

Поэтому, Роберт Искандерович, легенда, что это был ученый, совершенно не соответствует действительности.

А поведение Вавилова было вынужденным так же, как незавидная судьба моего дедушки.

Нигматуллин Р.И.: Мой дядя тоже был учеником Николая Ивановича Вавилова.

Он Лысенко ненавидел всеми фибрами души.

Но дам вам справку.

На Ученом совете моего института выступал один ученый-генетик, в свое время противник Лысенко.

Не буду называть его фамилию.

Он дал объективную характеристику этому человеку, отметил, что он много сделал и полезного.

Но сделав полезное, наверное, нанес гораздо больше вреда, чем сделал полезного.

В каждом из нас есть Бог и Дьявол.

Давайте бороться с действующими дьяволами, а не с умершими.

Тосунян Г.А.: Я предлагаю рассмотреть персональное дело Лысенко на отдельном заседании и на его примере, может быть, еще нескольких «выдающихся» деятелей советской науки, например, Вышинского и других, но не сейчас.

Оганов А.Р.: Да. Независимо от научного уровня и уровня способности читать тексты и быть грамотным Лысенко, персонально Лысенко, вот этот кейс на самом деле имеет прямое отношение к нашей дискуссии.

Предположим, Лысенко был хорошим ученым, но в силу скверного характера загнул Вавилова и загнул целую область, генетику.

Нигматулин Р.И.: Ну, он не злоупотреблял доносами.

Там не было никаких бумаг.

Он был, конечно, экстремист.

Это был страшный грех, я это признаю. И своей деятельностью погубил многих.

Оганов А.Р.: Я говорю не о персонально Лысенко, я говорю о том, что **он смог загнать целую область науки только потому, что наша наука была в некоторой степени изолирована, и суждения делались не на основе международного экспертного сообщества, а на основе каких-то местечковых решений.**

И Лысенко в силу своего административного ресурса смог уничтожить Вавилова.

В открытой системе, о которой мы сейчас diskutуем, этого бы не произошло.

М.В. УГРЮМОВ

академик РАН, д.б.н., заведующий лабораторией Института
биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей
школы экономики

Предлагаю по результатам сегодняшнего обсуждения принять заключение-резолюцию, в которой было бы выражено общее отношение участников совещания к «дорожной карте».

В противном случае каждый сможет трактовать результаты обсуждения, как ему удобно.

Так, например, авторы «дорожной карты» могут утверждать, что, по их мнению, представленная на совещании научной общественности «дорожная карта» в целом была одобрена и горячо поддержана.

Если организаторы и участники совещания не возражают, **я бы предложил написать в резолюции, что мы рекомендуем широко обсудить «дорожную карту» с научной общественностью – в университетах, научно-исследовательских учреждениях, в профильных ведомствах и, наконец, на общем собрании РАН.**

Не могу, однако, не высказать опасений того, что «дорожная карта» уже принята правительством и реализуется.

Мне кажется продуктивным предложение Арутюна Ишхановича Аветисяна включить в круг обсуждаемых вопросов, наряду с «дорожной картой», другие предложения-концепции по развитию науки в России.

С.В. МАКСИМОВ

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки РАН и Института экономики РАН, советник руководителя Федеральной антимонопольной службы

Я просто вынужден отреагировать на тезис о каком-то лукавстве по поводу «дорожной карты».

Никакой «дорожной карты» как принятого документа в виде проекта, утвержденного ведомствами, на сегодняшний день не существует. Я об этом не знаю.

Более того, обращаю ваше внимание, что по тому проекту, который подготовили с учетом концепции, разработанной коллективом Института проблем развития науки, Федеральной антимонопольной службой и направили в ведомства — уже сегодня отрицательная позиция Минфина и Минобрнауки.

То есть, никакой «дорожной карты» на сегодня у Правительства нет и быть не может.

Есть отрицательная позиция о том, что надо развивать конкуренцию в науке, заниматься демополизацией внешних рынков, где мы не можем никак устроиться.

И не нужно заниматься развитием конкуренции среди хозяйствующих субъектов в Российской Федерации.

То есть необходимо оставить как есть существующую систему критериев оценки эффективности научных организаций.

А.А. ГУСЕЙНОВ

академик РАН, д.ф.н., научный руководитель Института философии РАН

Уважаемые коллеги, конечно, это не заключительное слово, но все-таки я бы высказал пару предложений относительно точек зрения, которые здесь прозвучали.

Мне кажется, очень важно, что все согласны с тем, что наука не может существовать в изолированном виде, даже если речь идет об изоляции в рамках такой большой страны как Россия.

Это явление интернациональное и касается, кстати, не только естественных, но и общественных наук.

Если мы посмотрим, как развивались философия, социология, и другие науки, здесь, конечно, всегда имели большое значение контакты, влияние идей, теорий, методов, которыми обменивались специалисты поверх национальных границ.

Но мне кажется, следует все-таки более серьезно подумать о возможности говорить о самой оправданности употребления понятия конкурентоспособности в области науки.

Конечно, слово конкуренция мы употребляем иногда в широком плане, как вообще понятие состязательности, соревнования, как некий сравнительный (конкурентный) способ существования человека во всех сферах деятельности.

Тем не менее, язык все-таки закрепил понятие конкуренции и в рыночной экономике.

Конкуренция – это способ функционирования рыночной экономики, которая измеряется прибылью.

Именно в этом качестве данный термин будет пониматься в любом правительственном документе, в котором звучат слова о конкуренции в области науки или о повышении конкурентоспособности в области науки.

В таком специфическом понимании употреблять данное понятие, когда говорится о науке, было бы неправильно.

По крайней мере, в том, что касается фундаментальной, то есть теоретической науки.

О какой конкуренции в этом рыночном смысле здесь может идти речь, и о какой прибыли или даже о каком балансе спроса и предложения как одном из критериев?

Мне кажется, здесь надо уточнить, что речь идёт о конкурентоспособности в области прикладной науки, о технологических аспектах науки.

В любом случае должно быть какое-то уточнение, или необходимо употребить более широкое понятие применительно к науке.

Здесь следует говорить о соревновательности, состязательности или пользоваться уже устоявшимися терминами передового и старого.

И если это так, тогда встает другой вопрос.

Конечно, если здесь невозможна привычная для нас конкуренция с такими четкими критериями, следует задуматься, не злоупотребляем ли мы рыночными понятиями?

В первом докладе Сергея Васильевича, который мы выслушали, есть одна формулировка. Она звучит, возможно, даже очень резко, но мне кажется, она правильная.

Он высказался против фетишизации рынка публикаций.

Я думаю, это правильно и не только как критика абсолютизации западных рейтинговых журналов, а именно как критика того, что сейчас это выставлено в качестве основного критерия оценки научной результативности. Причем во всех областях знаний, в том числе, допустим, и в философии, и в теоретических областях естествознания.

Конечно, это правильное слово – фетишизация рынка публикаций.

Сам факт превращения публикационной активности в рынок – самая настоящая деформация научной деятельности.

Необходимо принципиально изменить подход в этом смысле к оценке науки и стимулированию её дальнейшего развития.

А как определить качество науки?

Каким образом гарантировать успешную деятельность?

Мне кажется, это ключевой вопрос.

И здесь нет какого-либо другого решения, кроме того, что касается науки, ее развития, ее качества, ведь это должно быть делом самих ученых.

Необходимо создавать адекватную атмосферу, прежде всего, атмосферу академической свободы, когда именно ученые могут сами определять свои научные приоритеты, состязательность и научные авторитеты.

А это означает, что нужно вернуться к тому рубежу, когда в 2013 году был осуществлен грубый перелом

и управление наукой было оторвано от самой научной деятельности.

Я имею в виду эту реформу, когда академия лишилась своей исследовательской базы в виде научных институтов, а сама исследовательская база лишилась адекватного управляющего органа в виде общего собрания и Президиума Академии наук.

То есть это вся структура, в которой развивалась наша наука.

И ничего другого мы, конечно, здесь не придумаем.

Никакими схемами, новыми формулами, которыми сейчас очень заняты управляющие органы, мне кажется, нельзя отрегулировать эту ситуацию.

И, между прочим, та ситуация, о которой в общем-то справедливо и с горечью говорит наш коллега, отмечая, что в науку и её управление пришли люди с фальшивыми диссертациями.

Встречались многочисленные случаи владения фальшивыми диссертациями вузовскими кадрами, вплоть до ректоров.

К счастью, они именовали не Академию наук.

Это, между прочим, в значительной мере, если не в решающей является следствием сворачивания академической свободы и автономии.

Сворачиванием управления самой наукой.

И в том числе, и в вузах сама профессура оказалась оторванной от управленческих структур, где руководство осуществляется сугубо бюрократическим путем.

Мне кажется, нельзя сразу решить все вопросы, и этот вопрос в любом случае будет сужен до критериев оценки результатов научной деятельности, когда мы будем подводить итоги нашему сегодняшнему обсуждению.

Тем не менее, какую-то общую перспективу, основу и общую атмосферу, в которой существует и развивается наука нельзя упускать из виду.

Между прочим, в этом и заключался Лейбницевский замысел Академии наук.

Петр настоял на том, чтобы создать Академию наук как некий остров, который был бы изолирован от чиновничьего произвола, от влияния православной церкви.

То есть именно как некое автономное образование.

Это культивировалось долгие годы, и получило свое развитие уже в последующем, в советские годы.

Именно тогда Академия наук управляла наукой, была не только бюджетополучателем, но активно формировала бюджет науки.

Даже в уставе за ней было записано право создавать исследовательские институты.

И вот это оказалось подорвано.

Причем я должен сказать, что люди, которые критикуют Академию, и которые, видимо, имели решающий голос, когда принималось это постановление, исходили из того, что в ней имелся Президиум Российской Академии наук со своей бюрократией.

Соответственно, по их мнению, Президиум управлял неэффективно.

И даже из недр самой РАН иногда звучат подобные голоса.

Я могу согласиться со всеми замечаниями, но это, в общем-то, не основание принимать такие решения, которые фактически разрушили науку.

Мы ведь можем сказать, что математика в школе не так преподается и много раз вставал подобный вопрос.

Но никто никогда из этого не делал вывод, что надо отменить преподавание математики или что-то в этом духе.

Но мало ли чего не так делается!

В качестве научного сотрудника и директора я имел общение с Президиумом РАН, с вице-президентом и с президентом.

И сталкивался в той или иной ситуации с министром, заместителем председателя Совета министров.

Вы знаете, это земля и небо.

Была совсем другая атмосфера.

Понимаете, когда я приходил в Президиум, я приходил к людям, у которых мог найти понимание.

Они, вообще-то говоря, мало помогали.

Настоящая жизнь все равно протекала в институтах и решения складывались в них.

Но они понимали, о чем шла речь.

Они были способны это оценить.

Они сами принадлежали к этой корпорации.

И многократно шли на такие решения, которые исходили из существа дела, даже если они не укладывались в существующие формальные рамки.

Приведу только один пример.

В 1994 году, когда в вузах происходил переход от старых идеологических установок марксистски ориентированных программ, в академических институтах, в частности, Институте философии проходила переаттестацию наша профессура и заведующие кафедрами философии.

И в это время сложилась какая-то структура, на основе которой создали государственный университет.

Но тот университет не имел площадей.

И тогда Президиум РАН разрешил университету пользоваться инфраструктурой академии, нашими помещениями.

И университет существовал.

Скажем, в Институте философии был философский факультет, в Институте всемирной истории — исторический.

Была даже идея создать новую форму академического университета, где будут органически соединены исследовательская работа и обучение.

Научные сотрудники и академики будут преподавателями.

И так начал работать этот университет.

Вы знаете, где мы столкнулись?

Оказалось, что университет не имеет права находиться в нашем помещении.

Я как директор института был вызван в суд.

Тот факт, что Президиум РАН принял решение разрешить этому университету базироваться в наших зданиях, был признан нарушением, причем административным.

Это такой наглядный случай, где видна разница между разумным и, по сути, правовым подходом к делу и

бюрократически-формальным подходом, который вообще не вникает в существо дела.

Для последнего было важно лишь то, что речь идёт о разных юридических лицах.

В результате было загублено хорошее перспективное дело.

Новаторский университет, уже обещавший стать синтезом академической науки и высшей школы, о котором уже наговорены тома речей, превратился в заурядный вуз.

И подобных ситуаций, показывающих различие академического управления от чиновно-бюрократического, было много.

Мне кажется, мы должны ответственно подходить к корпорации ученых и нашим наукам.

Я имею в виду исследовательские институты, которые до сих пор пользуются формальной принадлежностью к РАН и сохранили право называться институтами Российской академии наук.

Мы должны относиться к ним не просто с доверием, а государство должно относиться к ним как к полномочным людям, ответственным за науку от имени государства.

Именно они могут реализовать потребности и интересы государства в том, что касается развития науки, развития, производства знаний.

И обсуждая, формулируя наши предложения и оценки, относящиеся к положению науки, надо обязательно сопрягать или учитывать (иметь в виду) эту общую мысль.

Р.И. НИГМАТУЛИН

академик РАН, д.физ-мат.н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова

Гарегин Ашотович, хочу предложить формулу в связи с выступлением академика Гусейнова.

У государства должно быть четыре колеса, а не три. А именно: Президент, Парламент, Правительство и Российская академия наук. Четыре колеса.

Без этого четвертого колеса страна провалится, и она проваливается.

Заключительное слово

Коллеги, спасибо.

Мы несколько вышли за регламент.

Я тоже поделюсь некоторыми своими соображениями.

Но прежде я хочу, во-первых, поблагодарить наших докладчиков и всех коллег, кто принял участие в нашей дискуссии.

Сергея Васильевича за подготовленный такой развернутый доклад, который и лег в основу нашей дискуссии.

Благодарю Михаила Вениаминовича! И очень надеюсь, что к его замечаниям авторы «дорожной карты» серьезно прислушаются.

Такое глубокое понимание проблем науки и такой богатый опыт работы в советской науке, за рубежом и в России заслуживают того, чтобы очень серьезно прислушаться к его мнению.

Особенно подкупает, Михаил Вениаминович, Ваше равнодушие, Ваши искренние переживания за происходящие в нашей науке не всегда позитивные процессы.

То же касается и Роберта Искандеровича, которого я также хочу поблагодарить за содоклад и за искренность.

Я абсолютно уверен, что Вы никак не можете быть сторонником какой бы то ни было закрытости науки.

А Ваша постановка вопроса о достойном уровне финансирования науки вряд ли у кого-то вызывает серьезные возражения.

Думаю, Павел Алексеевич Медведев делится своими опасениями о нецелевом использовании средств лишь для того, чтобы в такой «провокационной» форме обозначить и эту немаловажную проблему финансирования, причем не только науки.

Полагаю, все сошлись на том, что, конечно, закрытость науки невозможна в принципе, ибо тогда – это уже не наука, а «лысенковщина» со всеми своими последствиями.

Но открытость и закрытость можно трактовать тоже по-разному.

Каждый автор сам должен решать, где ему публиковаться.

Конечно, если он не использует какие-то закрытые источники, которые находятся под грифом. Но мы сейчас говорим об открытых публикациях.

Подстегивать ученого к тому, чтобы он публиковался за рубежом, а не в своей стране, как мне кажется, не самый правильный способ стимулировать научное творчество.

Странно, если страна дестимулирует тебя публиковаться в своей стране.

Потому что это ведет к деградации отечественных научных журналов и к последующей деградации отечественной научной школы.

Глупо, если страна запрещает тебе публиковаться за пределами твоей страны.

Потому что это будет фактором, повышающим отток научных кадров за рубеж.

Творчество требует свободы!

Наиболее ярко это проявилось на примере Перельмана Г.Я.

Даже высшая математическая премия не является стимулом для его творчества.

Но Перельман, именно как ученый, стремился к тому, чтобы как можно больше ученых в мире узнало о его методе доказательства гипотезы Пуанкаре.

Потому что для каждого ученого неотъемлемой частью самореализации в науке является жажда истины, жажда получения знания и возможность поделиться знанием!

Здесь считаю необходимым напомнить то, что сказал академик РАН Лекторский В.А. в своем выступлении:

«... в науке невозможно всё коммерциализировать.

Наука, прежде всего, имеет целью получение нового знания.

Знание — это особая вещь.

Оно не является товаром.

Знание может иметь автора, но не может иметь собственника».

Конечно, странно оценивать качество публикации в отечественных ВАК-овских журналах в 166 раз «дешевле» чем публикации за рубежом.

С другой стороны, наивно не соглашаться с тем, что выход на мировое научное пространство во много раз эффективнее через иностранные журналы, издаваемые на английском языке.

Здесь надо действовать не путем запретов и ограничений, а задуматься, почему сокращается русскоязычная аудитория, в том числе и на постсоветском пространстве?

Пока в мире и в науке доминирующим остается английский язык. Но надо понять, почему при этом все больше людей в мире начинают изучать китайский?

Может следует поставить задачу сделать русский язык доминирующим в каких-то отраслях науки и эконо-

мики, а не только в европейских ресторанах, в которых он за последние десятилетия стал очень востребованным.

Все это «счетные задачи», которые решаемы, если их грамотно поставить и рассчитать способ достижения поставленной цели!

Это касается всех сфер деятельности.

Нужно вводить, образно говоря, не запрет на ввоз зарубежных сыров, а просто развивать свое производство, и выставить на прилавок свой качественный продукт, тогда никто не будет покупать дорогие зарубежные сыры.

А если «сыры» – не твоё, тогда ввози из-за рубежа, а не ограничивай выбор своих граждан!

Решения будут более конструктивными и эффективными, если в «дорожных картах» по любому направлению деятельности удельный вес запретов и ограничений будет много меньше, а стимулирующих и мотивирующих к активной творческой работе много больше.

В этом смысле и тональность программных документов, «дорожных карт» и докладов, на мой взгляд, должна быть несколько иной.

Не надо на языке запретов и чрезмерных ограничений строить систему управления, в том числе и науки.

Такая стилистика формирует и «льет воду» на культивирование тоталитарного, а не демократического общества.

Если есть сомнения по поводу того, какое общество может быть более успешным: тоталитарное или демократическое, то это можно обсудить на одном из заседаний НКС.

Правда, академик РАН Аветисян А.И. справедливо подчеркнул, что не существует демократии вообще.

Она должна учитывать элементы национальной культуры и особенности, и это же утверждение справедли-

во для науки, и каждая отрасль науки имеет свою специфику.

Завершая, хочу поблагодарить Академика РАН Гусейнова А.А. – сопредседателя нашего НКС ООН РАН за его выступление, за очень четко расставленные акценты и вопросы, которые требуют ответа, но их у нас пока нет.

В частности:

«...наука не может существовать в изолированном виде, даже если речь идет об изоляции в рамках такой большой страны как Россия».

«Сам факт превращения публикационной активности в рынок – самая настоящая деформация научной деятельности».

«А как определить качество науки?

Каким образом гарантировать успешную деятельность?»

Абдусалам Абдулкеримович, особенно дороги Ваше искреннее служение науке и Ваше умение в любой ситуации создавать атмосферу академической свободы во всем, что касается науки.

Абдусалам Абдулкеримович, не могу не присоединиться к Вашему тезису, что «...нужно вернуться к тому рубежу, когда в 2013 году был осуществлен грубый перелом и управление наукой было оторвано от самой научной деятельности».

Коллеги, еще раз всем огромное спасибо за такую содержательную, откровенную и глубокую дискуссию!

Г.А.ТОСУНЯН

**О развитии конкуренции в сфере науки.
Материалы совместного заседания НКС ООН
РАН и НИИ ДДиП 30 октября 2021 года**

Подписано в печать 18.01.2022
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 700 экз. Заказ №12

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков — реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института — многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

